

Сандра Браун
На закате
Серия «Коулмены», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129501
На заказе: Эксмо; Vjcrdf; 2012
ISBN 978-5-699-57371-4

Аннотация

По американским прериям, в сторону Техаса, движется караван переселенцев. Среди них – вспыльчивый ковбой Росс и загадочная девушка по имени Лидия. Росс уверен, что кроткая Лидия была раньше продажной женщиной и теперь тщательно это скрывает. Но и он, ныне безутешный вдовец, отец ребенка, не всегда был тем, за кого себя выдает... Когда между Россом и Лидией внезапно вспыхивает страсть, они избегают говорить о прошлом. Эта ошибка будет дорого им стоить. За ними начинается ожесточенная погоня, и им придется бороться уже не только за свое доброе имя, но и за жизнь.

Книга также выходила под названием «В объятиях заката».

Содержание

Дорогие читатели!	4
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сандра Браун На закате

Дорогие читатели!

Несколько лет назад началась новая страница в моей писательской биографии – был опубликован роман «Небесное томление». До этого я создавала произведения того же жанра под разными псевдонимами. Желая удовлетворить читательский интерес к моему раннему творчеству, издательство «Уорнер букс» решило выпустить эти книги повторно.

Я убеждена, что в романе «На закате» захватывающая любовная история строго следует законам жанра. Здесь есть главное, что отличает любовный роман, – возвышенные чувства и счастливый конец.

Благодаря вам, мои дорогие, эти произведения снова увидели свет. А теперь наслаждайтесь!..

Сандра Браун

Глава 1

«Господи, за что такие муки?» – с тоской подумала молодая женщина.

У нее снова начались схватки, и она, судорожно обхватив руками огромный живот и дыша тяжело, как раненый зверь, подтянула к животу колени. Когда боль отступила, женщина постаралась собраться с силами для нового приступа, который, как она знала, наступит через несколько минут. А как же иначе, ведь она не умрет раньше, чем родится ребенок.

Она дрожала всем телом. Холодный дождь впивался в нее тонкими иголками, пропитывал изодранные лохмотья и белье. Мокрые тряпки, окутавшие несчастную как саван, и непрерывная боль не давали ей ни шевельнуться, ни приподняться с земли. Женщина продрогла до костей, однако лицо ее заливал пот, неизменный спутник долгих родовых мук.

Это началось вчера вечером, на закате. Всю ночь боли терзали поясницу, потом переместились на живот, а теперь скрутили ее всю – до кончиков пальцев. Хотя небо было сплошь затянуто облаками, женщина догадывалась, что уже перевалило за полдень.

Стиснув зубы, она смотрела на раскидистые ветви деревьев, на свинцовые тучи, равнодушно проплывавшие над ней. Какое им дело до того, что одинокая юная мученица лежит посреди необъятных просторов Теннесси и вскоре даст жизнь существу, о котором старается не думать?

Уткнувшись лицом в пожухшие мокрые листья, она заплакала. Дитя, зачатое в позоре, выбрало самый ужасный момент для появления на свет.

– Боже всемогущий, пошли мне смерть! – простонала она, когда новая волна нестерпимой боли захлестнула ее, прокатившись по всему телу.

Вчера вечером она шла, преодолевая боль, но когда вода хлынула из нее, опустилась на землю. Женщина боялась останавливаться, поскольку каждый шаг удалял ее от мертвеца. Оставалось лишь надеяться, что тело разложится раньше, чем его обнаружат.

Наверняка Бог послал ей эти муки в наказание – ведь она радовалась смерти одного из его созданий, а теперь не хочет дать жизнь тому, кого девять месяцев носила во чреве. Женщина просила Бога, чтобы он послал ей смерть прежде, чем родится ребенок, хотя и знала, что это грех.

Она приподнялась, когда новые ужасные схватки вновь скрутили ее. Прошлой ночью, когда отошли воды, женщина стянула свои промокшие панталоны. Теперь, подняв их, обтерла лицо, залитое дождем и потом. Дрожа от боли и страха, она чувствовала приближение решающего момента. Подтянув кверху рваную юбку, она осторожно провела рукой между ног, и ее пальцы нащупали что-то круглое. Женщина поняла, что это головка малыша, и отдернула руку, вымазанную кровью и слизью. Теперь она кричала не своим голосом, сиюсья вытолкнуть из себя то, что укрывалось в ней целых девять месяцев.

Опершись на локти, женщина раздвинула ноги и напряглась. Кровь стучала у нее в висках, зубы были судорожно сжаты. Воспользовавшись короткой передышкой, она перевела дыхание. Боль накатила опять, потом еще и еще.

Женщина закричала, вкладывая остатки сил в эту последнюю потугу, и вдруг почувствовала, что свободна.

В полном изнеможении, тяжело дыша, она откинулась назад. Дождь, заливавший ее, приносил теперь облегчение измученному телу. В безмолвном лесу слышались лишь ее прерывистое дыхание и шум ливня. И вдруг женщина осознала, почему тишина кажется ей такой странной – ребенок молчал.

Забыв о своих недавних молитвах, она села и со страхом подняла юбку. Неистовый стон, полный горя и муки, огласил окрестности. У себя между ног женщина увидела мертвый комочек плоти, так и не успевший вкушать жизни. Пуговина туго обвилась вокруг горла

ребенка, задушив его. Женщину вдруг обуял суеверный ужас. А что, если малыш предпочел умереть, инстинктивно почувствовав, что его будет презирать весь мир, даже собственная мать?..

– По крайней мере тебе не придется страдать, моя крошка, – прошептала она. Упав на мшистое ложе и уставившись невидящим взглядом в плачущее небо, несчастная подумала, что у нее, вероятно, лихорадка и бред, иначе не появилась бы нелепая мысль о самоубийстве младенца. И все же мысль о том, что нежеланное дитя и само не стремилось в этот мир, доставляла облегчение.

Она хотела поблагодарить Бога за избавление от мук, но была слишком слаба. Господь все поймет и не осудит. В конце концов это он ниспослал ей такие страдания. Разве теперь она не имеет права отдохнуть?

Закрыв глаза и подставив лицо благодатному дождю, женщина испытала такое умиротворение, какого не знала никогда. Теперь можно и умереть.

– Как думаешь, она померла? – спросил хрипловатый мальчишеский голос.

– Не знаю, – отозвался второй, чуть постарше. – Ткни ее, и поймешь.

– Сам тыкай.

Прислонив ружье к дереву дулом вверх – так учил отец, – старший из мальчиков опустился на колени рядом с распростертой на земле женщиной и неуверенно протянул к ней руку.

– Ага, боишься? – злорадно поинтересовался младший.

– А вот и нет, – возразил второй, поднося указательный палец к губам женщины. – Дышит, – с облегчением сообщил он. – Значит, живая.

– Как по-твоему, Бубба... О черт, у нее под платьем кровь!

Бубба в испуге отскочил. Его братишка Люк прав – под рваной юбкой, едва прикрывавшей колени женщины, виднелась лужица крови. Чулок на ней не было, кожаные ботинки потрескались, а шнурки состояли из сплошных узлов.

– Наверное, она ранена. Нам надо бы...

– Заткни свой поганый рот, – прервал его старший. – Сам знаю, что надо.

– Я пожалуюсь Ма, что ты ругаешься!

– А я скажу, что ты написал в кувшин, из которого умывается старуха Уоткинс, – хотел отомстить ей за то, что она тебя выбрала.

Люк пристыженно замолчал, а Бубба снова повернулся к женщине и осторожно приподнял подол изношенного коричневого платья.

– Черт! – Он с криком отскочил, выпустив из рук ткань. Бедрa незнакомки оголились, и мальчики в ужасе уставились на мертвое дитя. Люк судорожно сглотнул.

– Блевать собираешься? – деловито осведомился старший.

– Да нет... вроде, – еле слышно отозвался Люк.

– Беги за матерью. И отца приведи. Надо отнести женщину в фургон. Найдешь дорогу?

– Спрашиваешь!

– Тогда двигай, а то как бы она и в самом деле не померла.

Склонив голову, Люк внимательно оглядел незнакомку.

– А она миленькая. Небось хочешь опять потрогать ее, пока меня не будет?

– Мотай отсюда! – Бубба угрожающе подступил к брату.

Отбежав на безопасное расстояние, Люк пригрозил:

– Все маме расскажу!

Бубба запустил в ябедника шишкой, но промахнулся. Вскоре Люк скрылся из виду. Старший Лэнгстон склонился над несчастной, аккуратно прикрыл мертвого младенца, а потом, утирая пот со лба, прошептал:

– Леди! Леди, слышите меня?

Замирая от страха, он потряс незнакомку за плечо. Та застонала, и голова ее дернулась.

Никогда еще Бубба не видел таких волос – мокрых от дождя, с запутавшимися в них веточками и листьями, но все равно прекрасных – густых, шелковистых, кудрявых. А цвет! То ли рыжий, то ли каштановый.

Мальчик снял с плеча флягу и поднес ее ко рту женщины.

– Хотите пить?

Он наклонил флягу. Немного жидкости пролилось на бледные губы незнакомки, и она тут же жадно облизнула их.

Она открыла глаза. Перед ее затуманенным взором предстал отрок лет шестнадцати со светлыми, почти бесцветными волосами. Неужели это ангел? Значит, она в раю? Но тогда почему над головой то же хмурое небо, вокруг те же деревья и та же мокрая земля? Так она жива!

– Уйди, мальчик. Я хочу умереть. – Женщина снова устало закрыла глаза.

Презирая себя за беспомощность и опасаясь, как бы незнакомка не отдала богу душу, подросток прислонился к дереву. Вскоре он услышал шаги и увидел родителей и брата, торопливо пробиравшихся к нему через кустарник.

– Что там Люк болтает о какой-то девушке, а, сынок? – обратился Зик Лэнгстон к Буббе.

– Да вот же она! – возбужденно воскликнул Люк, тыча пальцем в незнакомку.

– Ну-ка быстренько все отсюда! Дайте мне посмотреть, что с бедняжкой. – Ма нетерпеливо отстранила мужчин и грузно опустилась на землю. – Да она прехорошенькая! Но почему девушка оказалась одна в лесу?

– У нее ребенок, Ма.

Знаком велел мужу увести сыновей, Ма задрала юбку девушки. Она видала и не такое и все же была потрясена.

– Боже милостивый! Зик, дай мне руку. А вы, мальчики, бегите к фургону и скажите Анабет, чтобы приготовила постель, развела огонь и поставила чайник.

Разочарованные тем, что пропустят самое интересное, братья дружно запротестовали, но мать решительно пресекла их возражения. Зная, что рука у нее тяжелая, мальчики решили не искушать судьбу и послушно затрусили к фургону.

– Сдается, ей совсем худо? – сочувственно спросил Зик, подходя к жене.

– Да. Первым делом надо удалить послед, иначе она умрет от заражения крови.

Они молча захлопотали над несчастной.

– А с этим что делать? – Зик кивнул на сверток, в который завернул мертвого младенца.

– Закопай и отметь место – может, ей захочется прийти на могилку.

– Завалю камнем, чтобы звери не сожрали. – Лэнгстон взялся за лопату. Выполнив свою печальную миссию, он обтер руки пестрым носовым платком и снова подошел к жене. – Ну, как она?

– Кровотечение пока не прекратилось, но думаю, обойдется. Мы сделали все, что могли. Ты отнесешь больную?

– Если сможешь мне поднять ее.

Когда Зик, осторожно подняв женщину, прижал ее к груди, она очнулась и попыталась оттолкнуть его. Но силы тут же покинули бедняжку, и она опять впала в беспамятство. Ее руки как плети повисли вдоль тела, голова запрокинулась.

– Отродясь не видал таких волос, – восхищенно заметил Лэнгстон.

– Я тоже, – отозвалась Ма, проверяя, не осталось ли на земле вещей девушки. – Нам лучше поторопиться – того и гляди опять дождик пойдет.

Внутри все по-прежнему жгло огнем, во рту пересохло. Временами больную бросало в жар, но вместе с тем она испытала умиротворение. Неужели тот светлоголовый юнец оставил ее в покое и она все-таки умерла? Но на небесах человек не чувствует боли. Почему же она так страдает?

Открыв глаза, женщина увидела белый брезентовый потолок. На ящике рядом с тюфяком стояла зажженная лампа. Осторожно, стараясь избежать лишних страданий, она вытянула ноги и поняла, что лежит на мягкой постели. На ней была белая ночная сорочка. Проведя рукой по животу, женщина удивилась, что он такой плоский.

И тут вспомнила все: страх, боль, ужас при виде мертвого посиневшего ребенка. Слезы навернулись ей на глаза.

– Ну-ну-ну! Никак опять плакать собралась? Да ведь, поди, уже и слез не осталось – все за ночь выплакала.

Пальцы, коснувшиеся ее щек, были красноватыми и мозолистыми, но, как ни странно, нежными. Да и в голосе звучало сочувствие.

– Бульончику хочешь? Мальчишки сегодня утром подстрелили кролика, вот я и сварила.

Женщина поднесла ложку ко рту больной. Та с трудом глотнула и чуть не закашлялась. Наваристый бульон ей понравился, к тому же она только теперь осознала, что очень проголодалась.

– Где я?

– В моем фургоне. А зовут меня Ма Лэнгстон. Это мои ребята тебя нашли. Напугались до смерти! – Ма хохотнула. – Люк уже всем про тебя раззвонил. Нас тут много, и все мы едем в Техас.

Не в силах переварить такое обилие новостей, больная сосредоточилась на бульоне. Приятное тепло, разливаясь в желудке, усиливало ощущение покоя и безопасности. Несколько недель она бежала, спасаясь от погони и не разбирая дороги, чаще всего ночевала под открытым небом, а питалась тем, что попадалось в лесу.

Сейчас на нее смотрела женщина с грубоватым и строгим, но вместе с тем добрым лицом. Ее седеющие волосы были стянуты в узел на затылке. Несмотря на морщины, щеки у нее были такие розовые, как будто сам Господь Бог, взглянув на свое творение и заметив кое-какие недостатки, решил возместить их девичьим румянцем. Необъятная грудь этой дородной женщины едва помещалась в выцветшем ситцевом платье.

– Подкрепилась?

Девушка кивнула.

– А как тебя зовут? – осторожно поинтересовалась Ма.

– Лидия.

– Имя замечательное, но ведь к нему и фамилия полагается. Кто твои родители?

Девушка отвернулась. Перед глазами встало лицо матери, юное и прекрасное, каким она запомнила его с детства, – а не та изможденная женщина, которая умерла от горя и отчаяния.

– У меня никого нет.

Ма сочувственно погладила ее по руке и, помолчав из приличия, продолжила:

– Ты родила ребеночка, Лидия. Где же твой муж?

– Умер.

– Ах ты господи, какая жалость!

– Вовсе нет. Я рада, что он мертв.

Измученная Ма решила не углубляться в эту тему, боясь растревожить больную.

– Что же ты делала одна в лесу? Куда шла?

Лидия небрежно пожала узкими плечиками:

– Никуда. Мне хотелось умереть.

– Вот еще выдумала! Такая красавица... С чего тебе умирать-то?

Растроганная до глубины души, Ма натянула на больную одеяло. Трагедия оставила неизгладимую печать на бледном изможденном личике девушки.

– Мы закопали твоего сыночка в лесу.

Лидия закрыла глаза. Значит, мальчик. Вчера в лесу она не бросила даже взгляда на своего ребенка.

– Если хочешь, мы немного задержимся, и ты сходишь на могилку, когда поправишься.

Лидия ожесточенно замотала головой:

– Не хочу!

Слезы снова покатались по ее щекам.

Ма похлопала ее по руке:

– Я-то знаю, как ты страдаешь. Я сама родила семерых да двоих схоронила. Для женщины нет ничего тяжелее...

«Есть, – подумала Лидия. – Есть кое-что и похуже».

– Тебе надо больше спать – похоже, ты простудилась, когда лежала в лесу на мокрой земле. А я рядышком посижу.

Заметив сочувствие Ма, Лидия не улыбнулась, однако взгляд ее смягчился.

– Спасибо.

– Поблагодаришь меня, когда выздоровеешь.

– Я не могу остаться с вами. Мне надо идти...

– Ты же сама сказала – идти тебе некуда. Так почему бы не поехать с нами в Техас?

Лидия хотела сказать, что не имеет права жить с порядочными людьми. Если бы они знали... Она устало закрыла глаза и вскоре погрузилась в сон.

Его руки опять жадно шарили по ее телу. Она закричала, но он тут же закрыл ей рот противной липкой ладонью. Другая рука сорвала с нее сорочку и теперь больно сжимала грудь. Казалось, он получал удовольствие, причиняя ей страдания. Она впилась зубами в его ладонь и тут же получила жестокий удар по лицу. Даже в ушах зазвенело.

– Не вздумай кусаться, иначе все расскажу твоей драгоценной мамаше. Ты ведь не хочешь, чтобы она узнала, чем мы здесь занимаемся?

Разумеется, Лидия не хотела. Как она сама это выносила, снова позволяя ему вытворять с собой такое? Он уже оседлал ее и заставил раздвинуть ноги. Пальцы проникли внутрь, причиняя ей нестерпимую боль. Их сменил ненавистный отросток, заполнивший, казалось, все ее существо. Когда она вцепилась ногтями в его лицо, он только рассмеялся и попытался ее поцеловать.

– Не нравится? А ведь я могу еще грубей.

Она с силой оттолкнула его и заплакала:

– Пожалуйста, не надо. Уйди, прошу тебя...

– Успокойся, Лидия. Это только дурной сон.

Негромкий голос вырвал ее из пучины кошмара и вернул в мягкий уют фургона.

Разве можно жить после того, что сделал с ней Клэнси? Больше, чем надругательства, ее терзало то, что она зачала от него ребенка. Теперь ей нет места на этой земле...

Ма Лэнгстон явно придерживалась другого мнения. Прижав Лидию к своей необъятной груди, она начала успокаивать ее:

– Это же только сон. Ты недавно болела, вот тебя и мучают кошмары. Не бойся – пока ты с нами, с тобой ничего не случится.

Постепенно мучительный страх отступил. Клэнси мертв. Лидия сама видела, как из раны на его голове хлестала кровь, заливая уродливое лицо. Больше он до нее не дотронется.

Прерывисто вздохнув, она прижалась к груди своей утешительницы и вскоре уснула. Ма опустила девушку на комковатую подушку, казавшуюся Лидии царским ложем, поскольку последнее время она ночевала на сосновых иглах, в стоге сена, а то и просто привалившись к стволу дерева.

Несчастливая погрузилась в спасительное забытие, а Ма сидела рядом, держа ее за руку.

* * *

На следующее утро Лидия проснулась от шума и толчков: фургон двинулся в путь. При каждом повороте гремели кастрюли и сковородки. Поскрипывала кожаная сбруя, а металлические крепления весело позвякивали. Ма правила лошадьми, подкрепляя громкие понукания ударами кнута. Почти таким же тоном она поддерживала оживленный разговор с одним из своих отпрысков. Ее болтовня была поучительной и назидательной.

Лидия перевернула положение в постели, слегка повернула голову и увидела белобрысую девушку, в упор уставившуюся на нее большими любопытными голубыми глазами.

– Ма, она проснулась! – так громко завопила девочка, что Лидия невольно поморщилась.

– А я что говорила! – удовлетворенно откликнулась Ма. Девочка по-прежнему не сводила глаз с Лидии.

– Меня зовут Анабет.

– А меня Лидия, – с трудом отозвалась больная, у которой пересохло во рту.

– Знаю. Ма не велела называть тебя просто девушкой, не то обещала наградить подзатыльником. Есть хочешь?

– Нет. А вот пить хочу.

– Ма говорит, что жажда от лихорадки. У меня одна фляга с водой, а другая с чаем.

– Сначала воды. – Сделав несколько жадных глотков, Лидия устало опустилась на подушку. – А потом, может, и чаю выпью.

Лэнгстоны принимали как должное жизнь во всех ее проявлениях. Лидия же чуть не умерла со стыда, когда Анабет подсунула под нее тазик, а потом, нимало не смущаясь, выплеснула его содержимое на землю.

В полдень, во время остановки, Ма взобралась в фургон и поменяла Лидии пеленку.

– Кажется, кровит уже меньше. Да, как будто все заживает. Но еще несколько дней тебе вставать нельзя.

В этих словах не было ничего грубого, и все же Лидию смутило, что ее так бесцеремонно рассматривают. Странно, что она сохранила чувствительность, несмотря на те условия, в каких провела последние десять лет. Наверное, ей передалась утонченность матери. Им пришлось переехать на ферму Расселов. Лидия знала, что из-за них и ее с матерью стали считать «белой швалью». Стоило им отправиться в город – к счастью, это случилось нечасто, – как вдогонку неслись оскорбительные намеки и ругательства. Слова она не всегда понимала, а вот насмешливый тон запал девочке в душу на всю жизнь.

Иногда Лидии хотелось крикнуть, что они с мамой совсем не такие, как Расселы. Но кто стал бы слушать босоногую оборванку? Ведь внешне она ничем не отличалась от хозяев фермы, поэтому над ней издевались так же, как и над ними.

Лэнгстоны же вели себя совсем иначе. Они не обращали внимания на грязное заштопанное платье Лидии, не презирали ее за то, что она родила ребенка без мужа. Словом, относились к ней с уважением.

Лидия понимала, что не заслуживает уважения, хотя больше всего на свете хотела именно этого. Возможно, годы уйдут на то, чтобы очиститься от позора, которым запятнали ее Расселы, но если, очищаясь, она умрет, значит, достигнет цели.

В течение дня Лидия познакомилась со всеми Лэнгстонами.

– Это мой старшенький, Джейкоб, но мы зовем его просто Бубба. А это Люк, – представила сыновей Ма. Мальчики робко просунули головы в фургон.

– Спасибо, что помогли мне, – сказала Лидия. Теперь, когда с Клэнси было покончено, она действительно была рада, что дети спасли ей жизнь, и будущее рисовалось не таким уж мрачным.

Мальчики, вспыхнув до корней волос, пробормотали:

– Не за что.

Следом по старшинству шла общительная голубоглазая двенадцатилетняя Анабет, за ней погодки – Мэринелл, Сэмюэль и Атланта. Самой маленькой, Мике, было чуть больше трех.

Уже под вечер состоялось знакомство с главой семейства.

– Добро пожаловать, мисс... Лидия. – Зик сдернул шляпу с лысеющей головы, и, когда он улыбнулся, девушка заметила, что спереди у него осталось всего два зуба.

– Извините, что доставила вам столько хлопот.

– Да что вы! Никаких хлопот, – добродушно возразил Лэнгстон.

– Я уйду, вот только немного поправлюсь. – Она не имела представления, куда пойдет и что будет делать, но понимала, что нельзя бесконечно пользоваться гостеприимством этих славных людей, у которых и своих голодных ртов хватает.

– Ни о чем не тревожьтесь, выздоравливайте поскорее. А потом мы что-нибудь придумаем.

Видимо, все Лэнгстоны дружно придерживались того же мнения. Что же касается прочих... Лидия была уверена, что во всех фургонах уже судачат о явно незамужней женщине, которая родила в лесу мертвого ребенка. Однако все попытки сердобольных путешественников навестить бедняжку решительно пресекала Ма. Она утверждала, что дело идет на поправку и вскоре Лидия сама сможет выйти к ним.

Первое знакомство со спутниками семейства Лэнгстонов действительно произошло очень скоро. Проснувшись ночью от громкого стука в стенку фургона, Лидия вскочила и натянула на себя простыню. Она была уверена, что это Клэнси пришел за ней с того света.

– Чего ты всполошилась? Ложись, – прошептала Ма.

– Ма Лэнгстон! – донесся снаружи встревоженный мужской голос. – Вы здесь?

– Что за шум, черт побери? – недовольно заворчал Зик, спавший под фургоном вместе со старшими сыновьями.

– Извини, старина. У Виктории начались роды. Не могли бы вы пойти со мной, Ма? – взволнованно продолжал мужчина, чуть понизив голос. – Она почувствовала себя плохо сразу после ужина. Это наверняка ребенок, а не несварение желудка.

Ма добралась до края фургона и откинула брезентовый полог.

– Это вы, мистер Коулмен? Говорите, ваша жена рожает? По-моему, ей еще рано...

– Мне тоже так казалось. Она... – Голос его пресекался. – Она очень страдает. Так вы придете?

– Уже иду, – бодро откликнулась Ма, снова ныряя в фургон за ботинками. – А ты лежи, отдыхай, – обратилась она к Лидии. – Анабет присмотрит за тобой. Если, не дай Бог, я тебе понадоблюсь, она живенько за мной сбегает. Похоже, еще одно дитя вот-вот появится на свет, – философски заключила Ма, накинув на плечи пеструю шаль.

Глава 2

Ма не возвращалась до утра. К тому времени фургоны снова тронулись в путь. По лагерю разнесся слух, что миссис Коулмен пока не родила, но настаивает на том, чтобы караван не задерживался из-за нее. Бубба вызвался править фургоном вместо мистера Коулмена, а Зик занял место жены.

В отсутствие матери Анабет как старшая взяла на себя обязанности кухарки. Она же присматривала за младшими детьми да еще ухитрялась помогать Лидии. Ту поразило, что девочка сменила ей пеленку с необычайной ловкостью – видимо, процесс родов не составлял тайны для юной мисс Лэнгстон.

– Мне очень жаль, что тебе приходится этим заниматься, – смущенно пробормотала Лидия.

– Подумаешь! Я и для мамы это делала, когда она рожала Мику. К тому же месячные у меня с десяти лет.

В полдень, когда фургоны остановились, вернулась Ма и с грустью сообщила, что миссис Коулмен умерла полчаса назад, родив перед этим сыночка.

– Уж больно хрупкая была, бедняжка! А как мистер Коулмен убивается, страшно глядеть. Все корит себя за то, что взял жену с собой. Правда, она уверяла, что родит только в сентябре, а тогда бы мы уже добрались до Джефферсона. Жаль парня, да и не его вина, что так получилось...

– А ребенок? – спросил Зик.

– Малюсенький, в чем душа держится. Сил не хватает даже кричать – пищит, как мышонок. Не удивлюсь, если и он последует за матерью. – Печально вздохнув, Ма заглянула в фургон. Ее беспокоило здоровье второй пациентки: – Ты-то как, Лидия?

– Прекрасно, миссис Лэнгстон.

– Зови меня просто Ма. Анабет хорошо за тобой ухаживает? Извини, что я тебя бросила, но ведь моя помощь была нужна миссис Коулмен, а теперь во мне нуждается и малыш.

– Конечно. Со мной все в порядке. Вот немного поправлюсь и постараюсь избавить вас от своего общества.

– Еще чего выдумала! А ты вправду хорошо себя чувствуешь? Тогда почему щеки такие красные? – Ма прикоснулась ко лбу Лидии. – Никак опять жар! Скажу Анабет, чтобы сделала тебе холодный компресс.

На самом деле Лидия чувствовала себя неважно, но не хотела расстраивать миссис Лэнгстон, у которой и без того хватало забот. С утра у Лидии сильно болела грудь, и она проспала весь день, поскольку караван – из уважения к мистеру Коулмену – остановился. После вечерней трапезы должна была состояться печальная церемония похорон.

Анабет наскоро покормила Лидию ужином, и больная, блаженно вытянувшись на постели, уставилась в брезентовый потолок. О погребальном ритуале она имела довольно смутное представление – знала только, что там поют псалом во славу Христа. Как ни странно, ей даже удалось припомнить слова. Сколько же лет она не была в церкви – десять, двенадцать? А псалом все-таки остался в памяти... Почему-то это ее обрадовало. Она заснула с улыбкой на губах и проснулась, только когда Лэнгстоны вернулись в фургон.

Следующий день в точности походил на предыдущий, а вот состояние Лидии резко ухудшилось. Грудь затвердела и набухла до того, что, казалось, вот-вот лопнут. Воспользовавшись отсутствием Анабет, Лидия заглянула под сорочку и ужаснулась – соски побагровели и растрескались. Прикосновение к ним причиняло жгучую боль.

Ма Лэнгстон, занятая малышом, вернулась в фургон только ночью, когда все уже спали. Одна Лидия беспокойно металась по постели и слабо постанывала.

– Боже милостивый! Что опять стряслось? – участливо спросила Ма, склоняясь над молодой женщиной.

– Простите... Я... грудь очень болит.

Проворно расстегнув пуговицы ночной сорочки, Ма увидела разбухшие груди Лидии.

– Господи! Как же я не сообразила? Конечно, это из-за молока. Ребеночка-то у тебя нет... – Она поспешно осеклась. – Пойдем.

– Куда? – удивилась Лидия. – Мне и надеть нечего.

– Не важно. – Ма помогла ей подняться. – У тебя есть молоко, да нет малыша, а рядом погибает малыш, которому нечего есть. Ты нужна ему.

Лидия догадалась, что миссис Лэнгстон хочет отвести ее к ребенку, который не переставая плакал уже вторые сутки. Значит, Лидию увидит и тот мужчина, что приходил тогда ночью. Он будет разглядывать ее, возможно, даже спросит, как она оказалась в лесу и почему родила ребенка, не имея мужа. В фургоне Лэнгстонов было так уютно, что Лидии вовсе не хотелось покидать его.

Однако Ма была настроена решительно. Накинув шаль на плечи девушки, она помогла ей спуститься.

– Ботинки у тебя совсем развалились, так что иди лучше босиком. Только смотри не наступи на камень!

Коснувшись ступнями земли, Лидия вздрогнула так сильно, что это болью отозвалось в груди. Она сознавала, что выглядит ужасно – в ночной сорочке и шали, босая, непричесанная, невытая.

– Ма, как же я появлюсь на людях в таком виде!

– Глупости! – отрезала та и повела к соседнему фургону – единственному, где горел свет. – Только ты можешь спасти жизнь этому ребенку, а до твоего вида никому и дела нет.

Как раз в этом Лидия сомневалась – слишком часто ее называли «белой швалью». Люди порой бывают так грубы и несправедливы...

– Мистер Грейсон, – негромко позвала Ма, когда они поравнялись с фургоном, и откинула брезентовый полог. – Помогите, пожалуйста.

Она подтолкнула Лидию к фургону, и сильные руки втоптали ее внутрь. Следом втиснулась Ма.

В первое мгновение всех охватило замешательство. Седой мужчина и стоявшая рядом с ним худая женщина во все глаза уставились на незнакомую девушку. Лидия потупилась.

– Это мистер Грейсон, наш старший, – показала на седовласого Ма Лэнгстон. Лидия молча кивнула. – А это миссис Леона Уоткинс.

Разговор вели шепотом – из уважения к третьему присутствующему, темноволосому мужчине, который сидел на низенькой скамеечке, обхватив руками голову, и казалось, не замечал ничего вокруг.

Первой заговорила тощая дама:

– Кто она такая... и чего шастает здесь голая? А, это, наверное, та девушка, которую нашли ваши сыновья. Признаться, я поражена, что вы осмелились привести сюда подобную особу, да еще в такое время! Мы только что предали земле тело бедной миссис Коулмен, и кто знает, может быть, скоро и ее дитя...

– Может, да, а может, нет, – возразила Ма, явно не питавшая особой симпатии к миссис Уоткинс. – Мистер Грейсон, позавчера эта девушка родила. У нее есть молоко. Вот я и подумала – если малыш мистера Коулмена может сосать...

– О господи! – Пораженная миссис Уоткинс замахала руками, словно отгоняя злых духов.

Не обращая на нее внимания, Ма по-прежнему адресовалась к седовласому:

– Может, малютка выкарабкается, если Лидия начнет его кормить.

Миссис Уоткинс вмешалась в разговор, не дав мистеру Грейсону и слова вымолвить. Пока шел спор, Лидия украдкой осматривала фургон. Стеганные одеяла, сложенные стопкой в углу, показали ей богаче лэнгстоновских. Одно из них даже украшала атласная лента. Возле ящика, где стоял сервиз из китайского фарфора, Лидия увидела крошечные детские ботиночки.

Затем взгляд Лидии задержался на широко расставленных ногах мужчины, обутых в высокие черные сапоги, немного поношенные, но из хорошей кожи. Деревянные дюймовые каблуки блестели, как отполированные. Судя по размеру сапог, их обладатель был немалого роста.

– Говорю вам, это никуда не годится! – услышала Лидия пронзительный крик миссис Уоткинс, и в следующее мгновение костлявые пальцы вцепились ей в подбородок и заставили поднять голову.

Лицо, представшее взору девушки, не блистало красотой. Особенно выделялся нос, заостренный и длинный, как лезвие ножа. Губы – вероятно, потому, что их часто неодобрительно поджимали, – превратились в узкую полоску, от которой расходилась сеть мелких морщинок. Глаза были под стать голосу – злобные, осуждающие.

– Вы только поглядите на нее! Сразу видно, что за птица. Наверное, обыкновенная шлюха – прости меня, Господи, за такие слова! Сама небось не знает, от кого родила, да и ребенка придушила, чтобы от него избавиться...

Ошеломленная этим потоком несправедливых обвинений, Лидия не сразу нашлась с ответом и лишь через минуту тихо, но твердо возразила:

– Это неправда.

– Успокойтесь, миссис Уоткинс, – миролюбиво заметил мистер Грейсон. По природе человек добродушный, на этот раз он был склонен согласиться с собеседницей. Девица и в самом деле не внушала доверия – какая-то диковатая, неприбранная. Одетая черт знает во что, непричесана, к тому же так и сверлит их взглядом. И глаза бесстыжие...

– Вовсе она не шлюха! – вмешалась Ма Лэнгстон. – А коли и так, кто еще, по-вашему, сможет кормить ребенка? Уж не вы ли, Леона Уоткинс?

– Да я ни за что...

– Вот именно, – торжествуя перебила Ма. – Сомневаюсь, чтобы из этих сморщенных сисек удалось выдавить хоть каплю молока...

– Дамы, прошу вас! – взмолился сконфуженный мистер Грейсон.

Глаза миссис Уоткинс сверкали от ярости, однако она лишь молча раздувала ноздри.

– Мистер Грейсон, ваша обязанность – заботиться обо всех, кто с вами едет. Значит, и о новорожденном, – вкрадчиво начала Ма, игнорируя свою противницу. – Вы только послушайте, как он плачет! Единственная наша спутница, у которой есть молоко, уже кормит близняшек. Лидия – последняя надежда этого малютки. Неужели вы позволите ему умереть от голода?

Леона Уоткинс презрительно скрестила руки на груди, давая понять, что снимает с себя всякую ответственность за последствия. Если мистер Грейсон намерен руководствоваться советами Ма Лэнгстон – его дело. Она, Леона, всегда считала эту женщину невыносимо вульгарной и теперь убедилась, что была права.

– Решать должен мистер Коулмен, – подумав, проговорил Хэл Грейсон. – Что скажете, Росс? Хотите, чтобы эта девушка кормила вашего сына и таким образом спасла ему жизнь?

Лидия демонстративно повернулась спиной к присутствующим. Ей было наплевать, что они о ней думают. Вот только поправится и тут же уйдет туда, где ее никто не знает, и начнет новую жизнь. А пока, сама того не сознавая, она осторожно приблизилась к корзинке из яблоневого дерева, обшитой фланелькой, и заглянула в нее. Крошечный розовый комочек

сучил ручками и ножками и, не переставая, пищал. Сердце Лидии защемило от жалости. Услышав сзади шаги, она поняла, что к ней подошел отец мальчика.

Лидия стояла спиной к Россу Коулмену, поэтому первое, что бросилось ему в глаза, была копна буйных каштановых локонов, в которых запутались сухие листья, веточки и бог знает что еще. Какая женщина позволит себе появиться простоволосой в обществе незнакомых людей? Только та, которую и женщиной-то назвать нельзя!

Со спины она казалась невероятно худенькой. Из-под ночной сорочки виднелись узкие лодыжки и маленькие ступни. Боже, да девушка к тому же босая и грязная! И подобная особа посмела вторгнуться к нему, Россу Коулмену, когда он только что похоронил жену и еще не пришел в себя от горя!

– Я не желаю, чтобы эта девица прикасалась к моему ребенку, – с отвращением промолвил он. – Прошу всех оставить меня и моего сына в покое. Если ему суждено умереть, пусть хотя бы умрет спокойно.

– Слава богу, что кто-то еще сохранил способность рассуждать здраво!

– Помолчите! – прикрикнула Ма и, бесцеремонно отодвинув миссис Уоткинс, подошла к Россу. – Вы же умный человек, мистер Коулмен. Почему же не хотите попытаться счастья? Ведь малыш умирает от голода, а Лидии, может быть, удастся его спасти.

– Да ведь мы уже все испробовали, – нетерпеливо перебил ее Росс, запуская пальцы в свою густую темную шевелюру. – И коровье молоко давали, и воду с сахаром...

– Ему нужно материнское молоко, а у этой девушки оно есть. Грудь того и гляди лопнут.

– Боже, что я слышу! – вскричала оскорбленная Леона.

Росс бросил угрюмый взгляд на Лидию. Она стояла против света, так что он прекрасно видел ее тело сквозь сорочку. Тяжелая грудь и впрямь набухла. Росс поморщился. Почему эта девица разгуливает по лагерю раздетая? Даже если она только что родила, это еще не повод показываться людям, особенно мужчинам, в таком виде. Рот его презрительно скривился. Интересно, из какого борделя ее вытащили? Виктория бы в гробу перевернулась, если бы узнала, что ее мужу пришлось иметь дело с подобной особой.

– Я не позволю шлюхе кормить моего сына, – отрезал Росс.

– Вы же ничего не знаете об этой девушке, как, впрочем, и я.

– Да она просто дрянь! – сорвался на крик Коулмен. Безвременная кончина любимой жены повергла его в горе и ярость. Сейчас гнев обрушился на несчастную Лидию. – По вашим словам, вы сами толком не знаете, кто она такая и откуда взялась. Так как же еще назвать незамужнюю женщину, которая родила ребенка?

– Я согласилась бы с вами, живи мы в мирное время. Но сейчас идет война. Вся округа кишит дезертирами, бродягами и проклятыми «саквояжниками»-янки, вообразившими, будто весь Юг теперь принадлежит им. Неизвестно, сколько страданий вынесла эта бедняжка. К тому же два дня назад она потеряла дитя.

Лидия не вслушивалась в спор, всецело сосредоточившись на малыше. Какой он бледненький и крохотный! До позавчерашнего дня она ни разу не видела новорожденных. Сын мистера Коулмена был еще меньше, чем ее ребенок. Неужели такая кроха выживет?

Пальчики младенца, сжатые в крошечные кулачки, казались почти прозрачными. Глаза были закрыты. Грудка неровно вздымалась. Он и плакал как-то отрывисто, как будто в паузах набирался сил для следующего крика. А плакал малыш непрерывно.

От этих жалобных звуков сердце Лидии болезненно сжалось, а в набухших грудях появилось какое-то приятное томление. То был не прилив молока, а неудержимое желание по-матерински приласкать бедного сиротку и накормить его.

Сама не понимая, что делает, Лидия нерешительно коснулась гладкой щеки малыша, потом подсунула ладонь ему под голову. Крошечная головка целиком уместилась в ее руке.

Осторожно, стараясь не причинить ребенку боли, она вынула его из корзинки и опустилась на трехногую скамеечку.

Малыш засучил ножками. Крошечные ступни уперлись ей в живот. Лидия положила его поудобнее на согнутую руку, и сморщенное личико оказалось на уровне ее груди. Малыш, как птенец, открыл рот и выжидательно замер.

Повинуясь этому безмолвному сигналу, молодая женщина расстегнула пуговицы и спустила сорочку с плеча. Свободной рукой она приподняла грудь и приблизила к лицу ребенка. Несколько раз беспомощно ткнувшись, он нашел сосок, обхватил губами и начал жадно сосать.

Спорщики, стоявшие у противоположной стены, разом умолкли: их удивило и встревожило, что больше не слышно детского крика. Сердце Росса оборвалось. Решив, что сын умер, он быстро обернулся. Вместо неподвижного тельца он увидел картину, поразившую его до глубины души.

Малыш, лежа у Лидии на руках, жадно сосал ее грудь. Молоко пузырилось на губах и стекало по подбородку. Склонившись над ним, она нежно ворковала. Росс не мог разглядеть ее лица, скрытого каштановыми волосами.

– Ну, что я говорила? – В голосе Ма звучало нескрываемое торжество. – По-моему, мистер Грейсон, вам пора проводить Леону до ее фургона. А об устройстве Лидии я позабочусь сама.

– Вы что, оставите ее здесь, у мистера Коулмена? – негодуя осведомилась миссис Уоткинс. – Но это же неприлично!

– Пойдемте, миссис Уоткинс, – сказал Хэл Грейсон, мечтавший поскорее добраться до постели. Скоро рассветет. Придется выехать пораньше, чтобы наверстать потерянный день. Мистера Грейсона тяготила возложенная на него ответственность, но, как человек честный, он считал себя обязанным оправдать доверие. – Мы все уладим завтра утром, а до тех пор, уверен, ничего страшного не случится. – С этими словами мистер Грейсон увлек за собой упирающуюся миссис Уоткинс.

Украдкой посмотрев на Росса, Ма заметила, что он не сводит с Лидии мрачного сосредоточенного взгляда. «Интересно, что он замышляет?» – подумала Ма. Коулмен всегда казался ей приятным и дружелюбным человеком, а с женой обращался так, будто она царица Савская.

Но что-то в глазах Росса настораживало Ма. Она подозревала, что этот человек не так прост, как кажется. Взгляд его был острым, движения быстрыми. Должно быть, он много повидал на своем веку. Ма догадывалась, что сейчас в душе Росса Коулмена происходит жестокая борьба, недаром он напрягся так, что обозначились все мускулы.

Росса и в самом деле раздирали противоречивые чувства. Его сын успокоился на руках у этой странной девицы и сосал ее грудь. Да как же он, Росс, допустил такое? Что сказала бы Виктория, если бы увидела эту сцену?

Коулмен поморщился, вспомнив искаженное страданием, покрытое испариной лицо жены и ее последний вздох, когда она, дав жизнь сыну, покинула этот мир. Нет, ни одна женщина на свете, тем более девица сомнительного поведения, не имеет права прикасаться к ребенку, рожденному благородной Викторией Коулмен. Это было бы святотатством. Как жить, допустив такое? А как ему жить, если он, цепляясь за принципы, позволит сыну умереть?

Не зная, на что решиться, Росс подошел к скамеечке, на которой сидела Лидия. Его крошечный сын жадно сосал роскошную грудь своей кормилицы. Белоснежное великолепие округлого холмика нарушала лишь сеть голубых жилок. Напоминающие реки на географической карте, они устремлялись вниз, к темному соску. С усилием оторвавшись от соблазнительного зрелища, Росс перевел взгляд на лицо Лидии.

Веки ее чуть дрогнули. Теперь, когда поднялась густая завеса ресниц, Росс увидел ее глаза. Мужчина и женщина смотрели друг на друга с одинаковым интересом, но каждый старался не выдать своих чувств.

Россу казалось, что его обволакивает ее женственность. Она проникала ему в ноздри, в горло. Девушка, сидевшая перед ним, была воплощением чувственности. Сам того не желая и забыв о недавней кончине жены, он наслаждался этим и ненавидел себя за это. словно пловец, оказавшийся на стремнине, Росс судорожно сглотнул. Когда наконец его дыхание восстановилось, он рассмотрел лицо Лидии.

Цвет ее глаз, обрамленных густыми ресницами с золотистыми кончиками, походил на дорогое старое вино, которое так приятно согревает горло и разливается внутри восхитительным теплом. Столь же необычный цвет распущенных волос указывал на то, что Лидия отличается необузданностью характера.

Ее светлую кожу покрывал загар – видимо, ей часто и подолгу приходилось бывать на солнце. На точеном, чуть вздернутом носике даже выступили веснушки. А вот рот ее привел Росса в полное замешательство. Такие чувственные губы не оставили бы равнодушным ни одного мужчину. Он уже хотел отвести взгляд, опасаясь поддаться очарованию этих пухлых губок, но тут кормилица облизнула их, и у Росса екнуло сердце.

Она же сидела как ни в чем не бывало. Казалось, ее ничуть не смущает, что незнакомец глазает на ее обнаженную грудь. Пристальный взгляд Лидии, сосредоточенный на Россе, был смел, даже дерзок. Ни намек на скромность, приличествующую порядочной женщине.

«Сразу видно – проститутка», – заключил Росс. Он повидал их на своем веку так много, что быстро распознал призывный огонь в глазах и догадался, что в жилах Лидии течет горячая кровь. Девушка, сидевшая перед ним, была полной противоположностью женственной, утонченной Виктории, и уже одно это внушило Россу ненависть к ней.

Лидия же думала, что, если бы черты лица этого человека были не столь суровы, она могла бы с уверенностью сказать, что никогда не видела такого красивого мужчину. Во всяком случае, забыть такое лицо невозможно. Когда их глаза впервые встретились, у Лидии перехватило дыхание. Она даже сама удивилась – что это на нее нашло?

Россу не мешало бы побриться. Темная щетина покрывала его подбородок, над верхней губой обозначилась густая черная щеточка усов. Поджав нижнюю губу, твердую и властную, он сверлил Лидию взглядом пронзительных зеленых глаз.

Она и не знала, что подобного цвета глаза существуют в природе. Их обрамляли короткие черные ресницы, чуть слипшиеся на концах. Лидии вдруг захотелось дотронуться до них и проверить, действительно ли они такие влажные, какими кажутся. Над глазами нависали насупленные брови, придававшие лицу суровое выражение. Волосы чернее ночи спускались за уши и на воротник.

Росс казался Лидии устрашающе огромным. Мужское тело вообще пугало ее, внушало отвращение, да и тяжелый немигающий взгляд не смягчал этого страха. Прочитав в его глазах скрытую угрозу, Лидия решила, что он обдумывает, как бы побольнее наказать ее. Вот только за что? Этого она не знала. Насмотревшись вдоволь на Росса, Лидия перевела взгляд на малыша, который безмятежно сосал ее грудь.

– Надо поменять. – Необъятная Ма протиснулась между Лидией и отцом ребенка.
– Что?

Кормилица оторвалась от размышлений. Мужчина, высившийся перед ней, смущал ее. Не так, как Клэнси, но все равно смущал. Его мощная фигура заполнила все пространство фургона. Лидии вдруг показалось, что она задыхается.

– Сначала надо дать одну грудь, потом другую. Тогда молоко потечет как следует.

Ма забрала у нее ребенка. Нехотя выпустив сосок, он тут же заплакал и успокоился, лишь схватив вторую грудь.

Эта забавная сценка развеселила Лидию. Откинув назад гриву каштановых волос, она от души расхохоталась. В ее глазах отражался свет лампы, и они искрились, как вино, когда на него падает солнечный луч. Но тут девушка посмотрела на Росса, и глаза ее потухли под его взглядом, исполненным откровенной враждебности.

– Покормишь парня и ложись, – распорядилась Ма, любуясь Лидией и малышом.

– Она здесь не останется. Как только ребенок поест, вы уведете ее, – резко возразил Росс.

Ма обернулась к нему, уперев руки в свои необъятные бедра.

– А вам не приходит в голову, мистер Коулмен, что малыш снова проголодается? Интересно, как вы тогда поступите – помчитесь через весь лагерь за Лидией или, может, потащите младенца к нам? Сдается мне, это только создаст вам лишние хлопоты, не говоря о том, что пострадает ваш сын. Конечно, я бы с радостью приютила Лидию вместе с ее ребенком, если бы несчастный выжил, но что касается вашего... Здесь ему гораздо просторнее и спокойнее, чем в моем курятнике, – решительно закончила достойная матрона.

Росс гордо выпрямился, хотя в фургоне это было непросто.

– Я не нуждаюсь в ваших благодеяниях, и девушка здесь не останется.

– Кстати, ее зовут Лидия, – с нажимом напомнила Ма. – И почему бы ей не остаться?

Кто будет ухаживать за ребенком днем – ведь вы или охотитесь, или правите лошадьми? А ну как он расхнычнется, тогда как? Вы его и успокоить-то не сумеете!

Коулмен, пожевав губу, выдвинул еще одно возражение:

– Но она же грязная.

– Лидия недавно родила, одна, без всякой помощи, да еще в лесу. Как по-вашему, с чего ей быть чистой? Не мыла же я девушку потому, что у нее началась лихорадка, и я боялась, как бы она не померла у меня на руках. Ну да, у нее еще кровит. Но ведь и с вашей женой, останься она в живых, было бы то же самое. Через день-два все пройдет – уж мы с Анабет об этом позаботимся.

Лидия склонилась над ребенком, щеки у нее вспыхнули. Грубоватая откровенность Ма явно смутила и Коулмена – он умолк. В фургоне повисла напряженная тишина. Исходившая от Росса враждебность обжигала, как жар растопленной печи.

Наконец ребенок насытился и удовлетворенно срыгнул. Лидия прикрыла грудь ночной сорочкой.

Росс наблюдал за ней с едва скрываемой яростью. Неизвестно, скольких мужчин ублажала эта девка в своей постели, и вот поди ж ты – сидит как ни в чем не бывало, кормит младенца, словно порядочная женщина! Его ребенка. Сына Виктории. А что он, Росс, может сделать? Иначе малыш умрет, а это единственная ниточка, связывающая его с женщиной, которую он безумно любил.

Росс громко откашлялся.

– Хорошо, пусть останется. Временно. Пока я не придумаю, как самому кормить малыша и ухаживать за ним. После этого она уйдет. Ясно? У меня тут не благотворительное заведение. Миссис Уоткинс права – вероятно, эта девица проститутка. Может быть, она сбегала от родителей, а может, от мужа. В любом случае я не доверю своего ребенка подобной особе. Если бы речь не шла о его жизни, ее бы здесь не было. Ну вот, я все сказал. Ты все равно согласна остаться? – Последние слова относились к Лидии.

Она подняла глаза:

– Как его зовут?

Росс явно не ожидал такого вопроса.

– Я назвал его Ли.

Лидия улыбнулась ребенку, крепче прижала его к груди и погладила по темной головке.

– Ли, – мечтательно повторила она. – Я буду заботиться о Ли столько, сколько требуется, мистер Коулмен. Даже если при этом мне придется жить бок о бок с таким, как вы.

Глава 3

«Жить бок о бок с таким, как вы».

Вспомнив слова Лидии, Росс раздраженно отшвырнул с дороги камень. Да что воображает о себе эта девица, если осмеливается так разговаривать с ним?

Он подошел к костру, который развел с первыми лучами солнца. Чтобы Виктория поспала подольше, Росс давно уже каждое утро разжигал огонь и готовил завтрак. Его хрупкая жена не привыкла рано вставать, а долгое утомительное путешествие отняло у нее последние силы.

Росс невидящим взглядом уставился на огонь, дожидаясь, пока закипит кофе. Он в сотый раз задавался вопросом – почему жена солгала ему, сказав, будто ребенок родится еще не скоро, так что они вполне успеют добраться до Техаса? Беременность мало изменила ее стройную фигуру, и Росс поверил жене. Но уже через несколько недель заподозрил неладное – уж больно быстро рос ее живот. И даже когда в ответ на его недоуменный вопрос Виктория смущенно призналась, что срок больше, чем она думала, Росс так и не догадался об истинном положении дел. Правда, Ли родился на месяц раньше, чем положено, однако факт остается фактом – Виктория умышленно скрыла правду.

«Очевидно, она поступила так из-за отца», – подумал Росс. Вэнс Джентри был не в восторге от замужества дочери – ведь она вышла замуж за наемного работника. А тут еще ребенок... Но что мешало Виктории быть откровенной с собственным мужем?

Взяв кофейник, Росс наполнил чашку. В пути он пользовался простой посудой, а не сервизом из тончайшего фарфора, взятого по настоянию Виктории. Потягивая крепкий горячий кофе, Росс снова погрузился в размышления.

Да, Вэнсу Джентри не слишком понравилось, что его дочь влюбилась в парня, нанятого для работы в конюшне. Вэнс хотел, чтобы муж дочери имел такую же безупречную родословную, как и он сам. Но к тому времени отпрыски знатных южных семейств стали редкостью – об этом позаботилась война. Сама же Виктория была счастлива, и мало-помалу обитатели фермы смирились с тем, что она стала женой Росса Коулмена. Все, кроме Вэнса. Внешне он не выражал своих чувств, однако относился к зятю с явной неприязнью.

Эту неприязнь чувствовала и Виктория, поэтому сообщила мужу о ребенке, когда Вэнс уехал в Виргинию. Росс предложил ей перебраться в Техас, и она с радостью ухватилась за эту идею. Более того, настояла на том, чтобы они уехали до возвращения отца. Зная о ее беременности, Росс, естественно, беспокоился, но Виктория заверила его, что времени еще много и они успеют устроиться в Техасе, прежде чем родится ребенок. Ну вот, ребенок родился. А Виктория умерла.

Он попытался представить себе жизнь без Виктории. Она появилась на пути Росса неожиданно и так же стремительно покинула его. Дар небес, безжалостно отнятый. Отныне в безрадостном существовании Росса не будет места смеху, любви, нежности. Он больше никогда не дотронется до ее волос, не увидит ее лица, не услышит, как она поет. Виктория потеряна для него навсегда, и неизвестно, оправится ли он от этого удара.

Но Росс должен жить – ради Ли. Женщины часто умирают во время родов, а их мужья продолжают жить и растить детей. Он тоже сможет. Они заживут вдвоем с сыном. Только Росс и Ли...

Впрочем, нет. Он забыл об этой девице, Лидии.

Росс одним глотком допил кофе и хотел налить вторую чашку, когда увидел Буббу Лэнгстона.

– Доброе утро, Росс. – Мальчик гордился тем, что его кумир позволяет называть себя просто по имени.

– А, Бубба. – Росс нехотя оторвался от своих мыслей.

– Как ты думаешь, будет сегодня дождь?

– Скорее всего. Но не хотелось бы. Осточертела эта слякоть.

Бубба откашлялся.

– Я... мне очень жаль, что твоя жена умерла.

Росс кивнул.

– Кофе хочешь? – Не дожидаясь ответа, он наполнил другую чашку.

Пока они пили кофе, лагерь начал просыпаться. Со всех сторон потянуло дымком костров. Звяканье уздечек, стук кастрюль и сковородок, негромкий разговор взрослых – дети еще спали – эти звуки казались такими привычными и успокаивающими. Росс вдруг понял, насколько в последнее время ему не хватало этого покоя.

– Лошадей покормил? – спросил он Буббу.

– А как же! Задал овса, как ты учил.

– Спасибо. – Впервые за это утро Росс улыбнулся. «Интересно, – вдруг подумал он, – сложилась бы моя жизнь по-другому, если бы у меня был взрослый друг? Возможно, и нет. Люди с дурными задатками обречены всю жизнь набивать себе шишки». Встретив Викторину Джентри, Росс вообразил, что судьба дает ему шанс начать все сначала. Как бы не так! – Я рад, что ты помогаешь мне с лошадьми. Это все, что у меня есть. В Техасе я собираюсь завести собственный табун.

– Знаешь, Росс, я бы все равно за ними ухаживал, даже бесплатно. Папа хочет, чтобы я стал фермером, как он. Надеется, что в Техасе ему повезет больше, чем в Теннесси, где наше хозяйство каждый год заливало. А я больше люблю лошадей. Мне хочется быть таким, как ты, Росс. – Бубба отхлебнул кофе, радуясь, что их уединению ничто не мешает и он может вдоволь наговориться со своим кумиром. – А с чего ты начинал?

– Видишь ли, я получил увечье...

– На войне? – ахнул Бубба.

Росс отвел глаза. Взгляд его стал суровым и холодным, а в голосе мальчик услышал настоящую горечь.

– Да нет. Просто несчастный случай. Когда я лежал без сознания, один старик – звали его Джон Сакс – наткнулся на меня и отнес к себе в горную хижину. Он-то меня и выходил. И знаешь чем? – Росс усмехнулся. – Дешевым виски! Как только я поправился, Джон посоветовал мне спуститься в долину и найти человека по имени Вэнс Джентри, сказав, что у того самая большая конная ферма во всем Теннесси. Там я и начал работать, а потом женился на Викторине.

– Это ведь Сакс продал тебе землю в Техасе, да?

Росс усмехнулся:

– Значит, я уже рассказывал тебе эту историю?

– Ну да. Но все равно интересно.

– Сакс сражался при Сан-Хасинто. Техас тогда получил независимость и в награду даровал землю всем, кто участвовал в битве. Но Сакс вернулся в Теннесси. Земля его не интересовала.

Узнав об этом, Росс воспрянул духом. Он боялся, что им с Викторией придется всю жизнь прожить под крылышком ее папаша, а тут такой прекрасный случай – богатейшая тexasская земля, хотя законный владелец о ней и слышать не хочет! К тому же у Росса появился шанс осуществить свою мечту – развести скаковых лошадей.

Он предложил Джону сделку. Тот в ответ лишь рассмеялся и вытащил листок бумаги, некогда присланный ему тexasским правительством.

– Зачем мне эта земля, сынок? Жить мне осталось недолго, в Техас я не собираюсь. Бери, она твоя!

Росс поделился новостью с Викторией, и она отнеслась к его идее с большим энтузиазмом. Правда, он собирался вначале поехать один, устроиться, а уж потом привезти жену и ребенка. Однако Виктория твердо решила отправиться вместе с ним.

«Лучше не откладывать, Росс. Целый караван фургонов вскоре отбывает из графства Макминн. Почему бы нам не присоединиться к нему?»

Именно так Росс и намеревался поступить. Путешествовать с другими семьями было гораздо безопаснее, к тому же это давало возможность взять с собой домашний скarb. Порой люди, отправляясь налегке, по прибытии на место обнаруживали, что не могут приобрести самого необходимого.

Виктория предполагала уехать тайно. Для нее это было нечто вроде сказочного приключения. Росс пытался убедить жену, что негоже бросать отца, не сказав ему ни словечка.

«Ну как ты не понимаешь? Он найдет тысячи предлогов, чтобы уговорить нас не ехать, особенно если узнает про мою беременность. Прошу тебя, Росс, не возражай!»

Отрезав пару ломтиков бекона, Коулмен сделал Буббе сандвич.

– Я подкопил деньжат и купил Счастливица, а к нему пятерку прелестных кобылок.

– Они и в самом деле очень красивые, – набив рот, подтвердил Бубба.

– Это потому, что ты расчесываешь их каждый вечер, – великодушно добавил Росс.

От такой похвалы парнишка буквально расцвел. В этот момент их мирную беседу прервал детский плач, правда, тут же сменившийся ласковым женским воркованием. Затем снова наступила тишина. Бубба вопросительно взглянул на Росса, заметив, как помрачнел его друг.

– Мама говорит, что теперь эта девушка... ну, Лидия... будет жить в твоём фургоне и заботиться о малыше.

– Похоже, так. – Росс стиснул зубы. Внутри у него все кипело. Чтобы хоть чем-то заняться, он решил привести себя в порядок. Достав из саквояжа зеркало, бритву и помазок, Росс опустил воротник рубашки и приступил к бритью. Бубба наблюдал за его манипуляциями с неподдельной завистью.

– Она прямо загибалась, бедняжка, когда мы с Люком нашли ее, – сообщил он, желая завязать разговор.

– Неужели?

– Ну да. Лежала под дождем, мокрая и бледная, как смерть.

– Зато теперь пышет здоровьем, – съязвил Росс, скребя подбородок.

Он был бы рад забыть вчерашний вечер, но перед глазами все время стоял образ Лидии, ее янтарные глаза, блестящие при свете лампы, роскошная белоснежная грудь и буйные кудри, в которых запутались травинки. Росс мысленно приказывал себе выбросить все это из головы, но тело не повиновалось ему.

А все его проклятое происхождение! Вот что значит быть сыном проститутки. Черт побери! Даже если ты вращаешься в приличном обществе и женился на настоящей леди – все равно рано или поздно дурное семя даст о себе знать. Стоило ему один раз взглянуть на эту девушку, как он тут же потерял контроль над собой. Неужели для этого Росс выбивался из той грязи, в которой родился? Ну нет! Он не позволит снова ввергнуть себя в пучину бедности и разврата. Никому, в том числе и ей.

Ребенок снова заплакал, но быстро успокоился. Росс догадался, что Лидия приложила его ко второй груди. Представив себе эту картину, он так разволновался, что порезался бритвой и тут же чертыхнулся сквозь зубы. Бубба смущенно переминался с ноги на ногу, недоумевая, почему его друг сегодня такой сердитый. Наверное, это потому, что у него недавно умерла жена, решил мальчик.

– Как по-твоему, Росс, когда мы доберемся до Миссисипи?

– Через неделю, должно быть.

– А ты эту реку видел?

– Сто раз. – Росс вытер лицо, выплеснул на землю остатки воды и убрал бритвенные принадлежности в саквояж. Этот изящный серебряный прибор был рождественским подарком Викторией. Росс попытался сосредоточиться на этой мысли, чтобы не слышать нежного воркования, доносившегося из фургона.

– А я ни разу, – вздохнул Бубба. – Прямо не терпится поглядеть.

Лицо Росса смягчилось.

– Она того стоит.

Мальчик просиял, радуясь, что сумел приободрить друга.

– Можно я сегодня буду править твоим фургоном?

– Конечно, если твои родители не станут возражать.

– Да нет, они сами справятся.

– Тогда я оседлаю Счастливого и отправлюсь поохотиться. Я ведь не был на охоте с тех пор, как... – Тень печали легла на его лицо. – Постараюсь хоть сегодня раздобыть мяса.

– Пойду предупрежу своих. Пока, Росс. – И Бубба помчался к фургону, откуда уже доносились повелительные окрики Ма.

Росс взглянул на фургон. Брезентовый полог был опущен. Вчера ночью, когда Ма постелила Лидии постель, Коулмен покинул фургон и с тех пор туда не заходил.

Он провел ночь на земле, используя вместо подушки седло. Впрочем, ему было не привыкать – Росс знал ночевки и похуже. Но мысль о том, что эта девица спит в той самой постели, где они недавно лежали с Викторией и где умерла его жена, была невыносима.

Росс решительно откинул полог и взобрался в фургон, уверяя себя, что девица его не интересует – просто ему нужно собрать вещи для охоты.

Она спала. Рядом с ней тихонько посапывал Ли. Грудь Лидии мерно вздымалась, волосы разметались по подушке. Росс начал искать пули, стараясь произвести как можно больше шума, хотя прекрасно знал, где они лежат. Обернувшись, он увидел устремленные на него глаза Лидии. Она наблюдала за ним молча, словно удивляясь, зачем Коулмен вторгся к ней. Как будто это не его фургон! Росс вытащил из ящика платок и повязал вокруг шеи. Лидия по-прежнему не произносила ни слова. Она и вчера была не слишком разговорчива. Может, эта девица просто дурочка?

Не в силах выносить этот пристальный немигающий взгляд, Росс буркнул:

– Кофе хочешь?

Лидия кивнула.

Проклиная себя за то, что задал этот вопрос, Росс вылез из фургона. Он вовсе не собирався проявлять гостеприимство, а тем более прислуживать этой девице. Схватив кофейник, Росс плеснул кофе в чашку. Несколько огненных капель пролилось ему на руку, и он от души выругался. Сразу стало легче. С тех пор как познакомился с Викторией, Росс редко ругался.

Дав выход своему раздражению, он снова взобрался в фургон и протянул Лидии чашку.

– Может быть, вы возьмете Ли? Боюсь, как бы его не облить.

Росс в замешательстве посмотрел на девушку, потом на спящего младенца и, наконец, на чашку. Ни разу в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным и неуклюжим, разве что в тот вечер, когда впервые ужинал с Викторией и ее отцом в их шикарной гостиной. Но даже тогда у Росса не было ощущения, что руки его внезапно одеревенели, а пальцы стали огромными, как у великана.

Чертыхаясь вполголоса, Росс отставил чашку и опустился на колени перед кроватью. И тут же растерянно замер, поняв, что взять ребенка, не коснувшись Лидии, невозможно.

Казалось, она осознала это в тот же момент. Глаза их на мгновение встретились. Поспешно отведя взгляд, девушка отодвинулась, но малыш тут же снова привалился к ней.

Черт побери! Долго ли это будет продолжаться? Неужели он и дальше будет чувствовать себя в собственном доме как в гостях? Росс решительно просунул одну руку под спину Ли, а второй попытался обхватить его за голову. Как он и ожидал, избежать соприкосновения с нежной округлостью ему не удалось. Росс рывком вытащил сына из кровати, покрывшись при этом испариной.

– Пойдите! – Услышав за спиной голос Лидии, он обернулся и понял, что второпях вместе с одеялом малыша ухватил подол ее сорочки. Ткань натянулась, четко обрисовывая контуры груди и коричневатые кружки сосков. Девушка пыталась высвободиться, а Росс все не разжимал пальцы, боясь выронить сына. Наконец Лидия вырвала у него подол. Коулмен в изнеможении рухнул на скамейку, дрожа от напряжения.

– Пей, а то остынет, – буркнул он, стараясь не смотреть на непрошеную гостью.

Лидия села и с радостью отметила, что боль внизу живота беспокоит ее гораздо меньше, чем накануне, да и лихорадка совсем прошла. Она взяла чашку и с удовольствием отхлебнула кофе. Между тем Росс с любовью взирал на своего отпрыска.

– Ли проспал всю ночь, – тихо сказала Лидия.

– И совсем не плакал, только под утро.

– Проголодался, – с улыбкой объяснила она. Их глаза снова встретились, и девушка тотчас отвернулась. – Он, кажется, мокрый?

Росс пощупал пеленки.

– Кажется, да.

– Надо бы поменять, только я не знаю, как это делается. Жаль, что не спросила Ма... А пеленки у вас есть?

– Кто его знает? Надо поискать. Наверное, Виктория... – Росс запнулся. – Наверное, жена положила их в ящик.

– Мне очень жаль, что она умерла, – сочувственно проговорила Лидия, потягивая кофе, и после паузы неожиданно добавила: – Вы, наверное, думаете: «Почему умерла моя жена, а не эта девица?»

Смущенный тем, что она угадала его мысли, Росс спросил:

– Как ты очутилась одна в лесу, да еще перед самыми родами?

– Просто шла не разбирая дороги. А потом это началось...

«Какая несправедливость! Виктория лежит в холодной могиле, а эта девка, которая мизинца ее не стоит, воркует над нашим малышом!» Возмущенный Росс поморщился.

– Что заставило тебя убежать – закон?

– Нет, что вы!

– Ты убежала от мужа?

– У меня никогда не было мужа.

– Понятно.

Лидия метнула на него гневный взгляд. Какое право имеет этот человек осуждать ее, даже не зная, сколько она выстрадала! Один мужчина уже унижил ее, второму это не удастся.

– Вчера вечером вы сказали, что моему ребенку повезло, раз он умер. Это правда. Я и сама предпочла бы умереть, но, как видите, живу. А ваша жена умерла. – Лидия тряхнула головой, и по ее плечам рассыпались каштановые кудри. – На все Божья воля, поэтому ничто не зависит ни от меня, ни от вас. Вашему малышу нужна мать, и я постараюсь заменить ее.

– Ему нужна кормилица. Мать у него есть.

– Но ведь она умерла!

Не помня себя от ярости, Росс вскочил. Наученная горьким опытом – ей не раз приходилось увертываться от кулаков Клэнси, – Лидия вжалась в угол и закрыла лицо руками.

– Прошу вас, не надо!

– Какого черта?..

– Что здесь происходит? – В фургон влезла Ма. – Хотите стать посмешищем для всего лагеря? Леона Уоткинс и так болтает направо и налево, что вы провели ночь вместе...

– Я спал снаружи, – процедил сквозь зубы Росс. Эта девица вообразила, что он хочет ударить ее!

– Я-то в этом не сомневаюсь, – сказала Ма. – И всем то же самое говорю. Ну-ка дайте мне маленького. Как вы ему шею не сломали, горе-папаша! – Она решительно отобрала ребенка у Росса. – А Лидия чего сидит в углу? Неужто вы ее избили?

На это оскорбительное предположение Коулмен не счел нужным отвечать. Ма обратилась к Лидии:

– Он ударил тебя?

– Нет.

Внимательно оглядев Лидию, Ма перевела взгляд на Росса:

– Бубба сказал, что вы собираетесь сегодня поохотиться. Лично я считаю, что это неплохая идея. Может, заодно и в голове у вас прояснится. А о Лидии позаботимся мы с Анабет. Так что шагайте отсюда, мистер Коулмен!

Немногие отваживались послушаться этого сержанта в юбке. Метнув на Лидию злобный взгляд, Росс вылез из фургона, взял ружье, седло и направился к загону, где паслись лошади.

Когда через несколько минут он, оседлав жеребца, мчался через луг к лесу, за ним наблюдали двое старших сыновей Лэнгстонов.

– Знаешь, что я думаю? – проговорил Люк.

– Не знаю и знать не желаю, да ведь ты все равно мне расскажешь.

– Я думаю, что мистер Коулмен, если разозлится, может такого натворить...

Бубба задумчиво посмотрел вслед удалявшемуся всаднику.

– Пожалуй, ты прав, Люк.

– ...А по вечерам после ужина они, взявшись за руки, гуляли вдвоем и так любезно со всеми разговаривали, будто это не лагерь переселенцев, а пикник.

Лидия лежа слушала болтовню Анабет. Ма распорядилась, чтобы девочка вытащила из комода вещи Виктории и сложила их в сундук, иначе Лидии некуда было бы поместить свои. Росс скрепя сердце согласился.

«Он все делает скрепя сердце, даже разговаривает», – вздохнув, подумала девушка. Вот уже три дня она жила в фургоне Коулмена, оправляясь от родов и ухаживая за Ли. Днем к ней забегала Анабет, по утрам навещала Ма. Она же приносила вечером еду. Не желая оставаться в долгу, Росс делился с Лэнгстонами охотничьей добычей.

Ели они отдельно. Лидия вообще редко его видела: он то охотился, то лечил заболевших лошадей, поскольку среди переселенцев слыл знатоком животных. Даже заходя в фургон, Росс старался не встречаться с ней взглядом, а если это все же случалось, смотрел с нескрываемой злобой.

Дурное настроение Коулмена Лидия приписывала недавно постигнутому его горю. Он тяжело переживал смерть жены. По словам Анабет, Викториа была настоящей леди.

– Днем она закрывалась от солнца кружевным зонтиком, – рассказывала девочка, извлекая из комода изящное платье из розового шелка. Лидия в жизни не видела ничего красивее. Жаль, что Анабет тут же его убрала. – Иногда они что-то шептали друг другу так нежно... – Девочка вздохнула. – А как он на нее смотрел! Я бы умерла от счастья, если бы кто-нибудь так посмотрел на меня.

В тех взглядах, которые Коулмен бросал на нее, Лидия не находила ничего приятного. «И вообще, что хорошего может быть в отношениях мужчины и женщины?» – с грустью подумала девушка и вдруг вспомнила своего отца.

Тогда они втроем жили в городе, в большом доме с широкими окнами, на которых висели вышитые шторы. Мама и папа часто смеялись. По воскресеньям все отправлялись в гости. Папа держал маму за руку, а Лидия вклинивалась между ними и требовала, чтобы родители несли ее. «Наверное, мужчины не всегда дурно обращаются с женщинами, – решила девушка. – Жаль, что папа так рано умер...»

– Кожа у миссис Коулмен была гладкая и белая, как молоко, – с восторгом продолжала Анабет, – а глаза карие. Волосы как спелая пшеница и такие же мягкие. Ни один волосок не выбивался из прически!

Рука Лидии машинально потянулась к голове. Через день после того, как она перебралась к Коулмену, Ма и Анабет решили помыть ее. Потребовалось немало усилий, чтобы очистить волосы от застрявших в них веток и листьев, но даже сейчас они ничуть не походили на спелую пшеницу.

Коулмен, явно удивленный такой переменной, лишь что-то буркнул себе под нос. «Если ему нравятся белокурые волосы, то вряд ли придутся по душе мои», – с непонятной грустью заключила Лидия.

– Устала? Ма велела не надоедать тебе. Захочешь спать – скажи, и я уйду.

Лидия улыбнулась. Она успела привязаться ко всем Лэнгстонам, но особенно к простодушной болтушке Анабет.

– Нет-нет. За последние дни я выспалась так, что хватит на всю жизнь. Да и Ли скоро проснется, голодный, как волчонок!

Она нежно похлопала по спинке малыша, мирно посапывавшего в корзинке. После смерти матери Лидии казалось, что она никогда уже никого не полюбит. А вот поди ж ты – этот малыш в несколько дней завоевал ее сердце, возможно, потому, что полностью от нее зависел.

Караван остановился в тот момент, когда Ли закончил очередную трапезу. Не успела Лидия привести себя в порядок, как в фургоне появилась Ма:

– Хочешь пойти прогуляться?

Глава 4

– То есть как? – удивилась Лидия. – Выйти из фургона?

После встречи с мистером Грейсоном и Леоной Уоткинс знакомство с остальными обитателями лагеря ей не улыбалось.

– Ну да.

– Я бы с радостью, да ведь мне и одеться не во что.

– Я принесла вещи Анабет. – Ма развернула сверток. – Может, они тебе и не подойдут, но не будешь же ты всю жизнь ходить в ночной сорочке.

Шатаясь от слабости, Лидия поднялась с постели, умылась и с помощью Ма надела заштопаннные чулки, панталоны и нижнюю юбку.

– Ну и худенькая же ты, – с жалостью заметила миссис Лэнгстон. – Как ребенка-то родила, не представляю...

Тем не менее на груди платье не сошло.

– Эх, жаль, – огорчилась Ма. – Ну не беда, застегнем, что сможем.

Лидия чуть не задохнулась, пока Ма колдовала над пуговицами, но по крайней мере теперь выглядела прилично. Люк начистил ваксой ее ботинки и заменил шнурки. Пока она обувалась, Анабет причесывала ее.

– Ну прямо картинка! – Ма с гордостью оглядела творение рук своих. – Мистер Коулмен застрелил сегодня куропатку, и я готовлю из нее жаркое на нашем костре. Вот он обрадуется, когда придет вечером и обнаружит, что его ждет горячий ужин! Только следи, чтоб не подгорело. А кроватьку Ли перенеси поближе. Свежий воздух пойдет тебе на пользу.

Смущенная Лидия вышла наружу. Ее поразила царившая вокруг кипучая деятельность. До этого она слышала только звуки, теперь увидела, откуда они исходят. Женщины хлопотали у костров, готовя ужин, мужчины носили воду и хворост, чистили лошадей. Детишки с воплями бегали между фургонами.

– А вот и Люк! – возвестила Ма, радуясь, что все идет как надо. – Приготовь-ка кофе, благо вода есть. Мистер Коулмен наверняка с удовольствием выпьет чашечку.

– Конечно, – поспешно отозвалась Лидия. Она охотно занялась бы хоть чем-то. Обитатели лагеря, уже заметив девушку, начали перешептываться и бросать на нее любопытные взгляды.

– Ну, мне пора. Если понадобится, крикни, и я тут как тут. – С этими словами миссис Лэнгстон удалилась.

Убедившись, что с жарким все в порядке, кофе вскипел, а Ли сухой и спит, Лидия села на скамеечку, которую ей принес Люк, и уставилась на огонь.

Росс еще издали заметил, что Лидия готовит ужин у костра. В лучах заходящего солнца ее волосы казались огненными, щеки покраснелись то ли от жара, то ли от смущения. Росс удивило, что она тоненькая, как девочка. Но едва Лидия обернулась, это впечатление исчезло. Перед ним была взрослая женщина.

Нежная гибкая шея придавала ей трогательную хрупкость. Россу вдруг захотелось дотронуться до бешено пульсирующей жилки на шее Лидии. Он опустил взгляд ниже и уже не мог отвести его от роскошной груди, соблазнительно обтянутой тесным платьем.

Заметив его взгляд, Лидия прикрыла рукой то место, где не застегнулись пуговицы.

– Ма посоветовала мне побыть на свежем воздухе.

– А Ли где? – Росс досадовал и на нее – надо же, разоделась, как приличная женщина, хотя он-то знает ее истинную цену! – и на себя, поскольку понял: ему приятно, что она ждет его. Он старался не вспоминать, как обольстительно выглядит грудь Лидии, когда его сын припадает к коричневым соскам, забыть необычный цвет ее глаз, напоминающих выдержан-

ное вино. А уж привычка Лидии, разговаривая с ним, время от времени облизывать губы просто сводила его с ума.

– Там. – Она кивнула на фургон. – Мы перенесли его поближе, так что если он заплачет, я услышу. – Девушка поспешно вытерла руки о платье, надеясь, что Росс не станет ругать ее при всех. Она ведь тоже в долгу не останется, а такая сцена еще больше уронит ее в глазах окружающих.

Коулмен заглянул в корзинку. Лицо его мгновенно просветлело, уголки губ слегка изогнулись. С любовью похлопав сына по попке, он повернулся к Лидии. Она тоже с улыбкой смотрела на малыша. На мгновение их глаза встретились, и оба тут же поспешно отвернулись.

– Я сварила кофе.

– Спасибо.

Росс снял с плеча лассо, с другого ружья, отстегнул кобуру, притороченную к ноге. Лидия никогда не видела, чтобы мужчины носили пистолет в таком месте, и это почему-то позабавило ее.

Стараясь не пролить ни капли, девушка наполнила чашку и подала Россу. Его тонкие длинные пальцы были покрыты темными волосками, почти незаметными на загорелой коже. Как только он взял чашку, Лидия поспешно опустила руку.

– Это что, жаркое? Пахнет вкусно!

– Его приготовила Ма.

– Ясно.

Они избегали смотреть друг на друга. Коулмен неторопливо пил кофе. Мужчина и женщина не замечали шума лагеря, как будто во всем мире, кроме них, никого не было.

– Пойду умоюсь, – сказал наконец Росс.

– Люк принес свежей воды. А там и жаркое подоспеет.

Обойдя фургон, Росс снял рубашку и, удивляясь, почему так вспотел, приступил к мытью. Сколько ни обливался он холодной водой, кожа все равно горела.

Уединение Лидии нарушили девочки Лэнгстонов, Мэринелл и Атланта, прибежавшие к ней с букетом лютиков.

– Смотри, что мы тебе принесли! – Мэринелл просияла.

– Какие красивые!

– Да ты понюхай! – Девочка приблизила цветы к носу Лидии.

– Они и пахнут приятно, – вставила более робкая Атланта.

Лидия сразу догадалась, что задумали проказницы, но решила не портить им игру. Склонившись над лютиками, она вдохнула их тонкий аромат, а когда выпрямилась, оказалось, что кончик ее носа испачкан в желтой пылице. Девочки разразились смехом.

– Попалась, попалась! – хором завопили они.

Лидия вспомнила, что когда-то они с мамой так же дурачились, но с тех пор прошло много лет. Как приятно, что у нее опять появились подружки!

– Эти цветочки очень подойдут к твоему платью, – тоном знатока изрекла Мэринелл. – Правда, Атланта? – Она ткнула локтем сестру в бок.

– Еще как!

– Я вставлю их вот сюда. – Лидия расстегнула верхнюю пуговицу, с трудом застегнутую Ма. Дышать стало легче, однако грудь обнажилась до неприличия. Сунув лютики в вырез, она чуть прикрыла слишком вызывающее декольте.

Если бы рядом было зеркало, Лидия увидела бы, как подчеркивают ее чувственность эти скромные лесные цветы. Однако она и не помышляла о кокетстве. Завлекать мужчину? Ну уж нет. Лидия имела печальный опыт, закончившийся родами. Она не предполагала, что

женщина может по доброй воле делать то, чего требовал от нее ненавистный Клэнси, взявший ее силой.

Между тем Росс, не обращая внимания на заливистый смех и девчачьи голоса, погрузился в свои мысли. Приятно, конечно, вернувшись домой, обнаружить, что тебя ждет горячий ужин и кофе, но ведь эта девушка в каком-то смысле его должница. Он приютил ее, дал крышу над головой, более того – уступил собственную постель! Разве не так?

Вообще-то с Ли она неплохо управляется, продолжал рассуждать Росс, натягивая чистую рубашку. Парень набирается сил день ото дня, пополнел и уже не выглядит таким истощенным и слабеньким.

Глядясь в крошечное зеркальце, Коулмен пригладил волосы. Он уже забыл, когда в последний раз причесывался, и не понимал, почему именно сегодня у него вдруг возникло такое желание. Наверное, просто вспомнил о словах Виктории, считавшей, что джентльмен всегда должен заботиться о своей внешности, даже если на нем рабочий костюм. Во всяком случае, девица, поселившаяся в его фургоне, тут ни при чем. Впрочем, раз уж им суждено какое-то время жить вместе, надо соблюдать хотя бы внешние приличия.

От фургона Лэнгстонов донеслись громкие крики Ма: она звала дочерей ужинать. Когда девочки убежали, Лидия взяла ложку и попробовала жаркое. Изумительный вкус! И почти готово.

– Добрый вечер, – услышала она бархатистый мужской голос. По тому, как мужчина растягивал гласные, Лидия догадалась, что перед ней уроженец Юга. Хотя голос был приятным, она почувствовала смутное беспокойство. Лидии не хотелось ни с кем разговаривать. Всего несколько минут назад мимо продефилировали миссис Уоткинс с дочерью, причем с весьма надменным видом. Наверняка и этот южанин пришел поиздеваться над ней.

Стараясь не выдать страха, Лидия подняла глаза. Перед ней стоял мужчина, пожалуй, чуть моложе мистера Коулмена. Из-под широкополой шляпы выбивались мягкие вьющиеся каштановые волосы. На незнакомце был белый костюм и синий жилет, из кармана которого свисала золотая цепочка от часов. Голубые глаза светились добротой и грустью, на бледных щеках играл яркий румянец.

Лидия с удивлением отметила, что молодой человек смотрит на нее дружелюбно и с любопытством, но вовсе не с осуждением.

– Позвольте представиться, мисс Лидия, – Уинстон Хилл к вашим услугам. А это Мозес.

Хилл указал на своего спутника – широкоплечего негра в строгом черном костюме и белой сорочке, украшенной узким темным галстуком. В волосах и бровях Мозеса поблескивали серебряные нити, однако лицо казалось удивительно моложавым.

– Откуда вы знаете мое имя? – изумилась Лидия.

Уинстон Хилл улыбнулся:

– По всему лагерю уже прошел слух о вашей поразительной красоте. Признаться, вы превзошли мои ожидания.

Девушка зарделась. Впервые в жизни ее удостоили столь изысканного комплимента.

– Рада познакомиться.

– Взаимно. Я слышал, вы взяли на себя заботу о маленьком сыне мистера Коулмена. Весьма благородный поступок, тем более что вы недавно пережили утрату.

Никто никогда не разговаривал с Лидией подобным тоном. Слова стекали с уст Хилла, словно мед.

– Благодарю вас. Для меня это совсем не обременительно. Ли – прелестный малыш.

– Не сомневаюсь. Я всегда восхищался красотой и стойкостью его покойной матери, не говоря уж про отца – образец мужских добродетелей. – Вдруг молодой человек закашлялся

и поднес к губам платок. Похоже, это расстроило его. – А теперь позвольте откланяться. Мы с Мозесом будем рады оказать вам любую услугу, если понадобится.

Смущенная его изысканными манерами, Лидия пролепетала:

– Спасибо. Я непременно воспользуюсь вашей любезностью.

– Надеюсь, – улыбнулся Хилл. – А вот и мистер Коулмен! Добрый вечер.

Обернувшись, Лидия увидела Росса, стоявшего возле фургона. По сравнению с утонченным мистером Хиллом он выглядел несколько грубовато. В ответ на приветствие Коулмен лишь кивнул.

– До свидания, мисс Лидия. – Уинстон наклонился, взял руку девушки и поднес к губам. Через мгновение они с Мозесом удалились.

Лидия как замороженная посмотрела на руку, которую только что поцеловал Хилл, затем перевела взгляд на Коулмена. Он был мрачнее тучи и, как всегда в минуты гнева, покусывал нижнюю губу.

– Ужин готов, – сообщила девушка неожиданно севшим голосом. Достав тарелку, она зачерпнула полную ложку жаркого и протянула Россу, но тот даже не подумал взять. Подбоченившись, он сжимал и разжимал кулаки, будто собирался кого-то ударить. На скулах его ходили желваки. В сгустившихся сумерках Росс выглядел особенно зловеще.

Его зеленые глаза были устремлены на злосчастный букетик, прикрывающий декольте. От волнения грудь Лидии вздымалась, и цветы трепетали. Этот пристальный взгляд смутил девушку. Если бы не тарелка, она бы прикрылась руками.

– Паршивая шлюха! – бросил Коулмен. – Мне все равно, чем ты занималась до сих пор, но, пока живешь под моей крышей, я не позволю тебе ублажать клиентов!

Виктория наверняка упала бы в обморок от подобных речей. Лидия же пришла в ярость. Глаза ее полыхнули золотистым огнем, даже волосы, казалось, зашевелились от негодования. Не успел Коулмен опомниться, как она сунула тарелку ему в руки и, сердито взмахнув юбкой, скрылась за полотняным пологом.

Чертыхаясь, Росс принялся за ужин. Он не чувствовал вкуса жаркого, глотал, почти не прожевывая. Его гнев нарастал.

– Будь проклята эта девчонка! – в сердцах бросил Росс, отставляя тарелку и наливая кофе. С чего ей вздумалось вырядиться в такое облегающее платье, да еще флиртовать с этим напыщенным слюнтяем Хиллом? Завтра же и духу ее здесь не будет. Он сам сумеет позаботиться о Ли. Может быть, мать близнецов согласится кормить и его сына. В любом случае надо избавиться от этой особы, даже если придется перевести Ли на коровье молоко.

– А вы, оказывается, глупее, чем я думала. – Голос Ма, неожиданно появившейся из темноты, заставил Росса овладеть собой. – Поели? Тогда давайте тарелку.

Управившись с посудой, Ма с вызовом добавила:

– Жаль, что я так в вас ошиблась.

Сам того не подозревая, Росс клюнул на наживку.

– С чего вы взяли, что я глупый?

Миссис Лэнгстон только этого и ждала.

– Вам повезло – вы нашли кормилицу для вашего сына. Ли давно умер бы, если бы не эта девушка, к которой вы относитесь без капли сочувствия и доброты.

– Сочувствие? – Росс вскочил и заметался по площадке перед фургоном, как зверь в клетке. – Доброта? Видели бы вы, что она вытворяла! Вырядилась в это бесстыжее платье, флиртовала на виду у всего лагеря...

– Если вы намекаете на мистера Хилла, то все было совсем иначе – он первый с ней заговорил. Вначале бедняжка так перепугалась, что глаз поднять не смела. А что касается платья, так это я предложила ей надеть его. Ее собственное так изнашивалось, что годится только на тряпки.

– Зато это трещит на ней по швам. И вообще, я не намерен больше терпеть общество этой дряни и не подпущу ее к своему сыну!

Нахмурившись, Ма схватила Росса за руку и рывком повернула к себе.

– С чего вы взяли, что Лидия дрянь? Судя по разговору, она образованная девушка. А как следит за руками! И за столом умеет себя вести. Да она скорее похожа на леди, чем на дрянь! Я лично считаю, что не важно, кто твои родители, главное, чего ты сам стоишь. Вы, похоже, думаете по-другому. И все же позвольте дать вам совет – не судите Лидию слишком строго. Возможно, она дочь уважаемого человека. Ну, согрешила, родила ребенка. С кем такого не случается? Держу пари, вы с миссис Коулмен тоже вволю побаловались в сене, прежде чем поженились!

– Виктория была совсем не такая, – надменно возразил Росс.

Ма усмехнулась:

– Любая женщина так ведет себя с тем, кто ей по душе. А если ваша женщина этого не делала, тем хуже.

– Я не намерен выслушивать...

– О мертвых и впрямь нельзя говорить дурно. Я только хотела напомнить, что эта девушка, кто бы она ни была, спасла жизнь вашему сыну. Сегодня вечером Лидия решила сделать вам приятное – приготовила ужин... – О том, что это была ее идея, миссис Лэнгстон не упомянула. Стоит ли обращать внимание на несущественные детали! – А вы повели себя как высокомерный болван, как эта сухая вобла Уоткинша!

Переведя дух, Ма снова ринулась в атаку:

– Если хотите, чтобы Лидия осталась у вас, вам придется быть с ней добрее. А то в один прекрасный день она сбежит. Что тогда будет с Ли, вы об этом подумали?

Сочтя свою миссию выполненной, достойная матрона отправилась восвояси, а Росс остался у костра. Машинально допивая кофе, он смотрел на огонь. Лагерные костры понемногу затухали. Набегавшиеся за день дети улеглись спать – кто в фургоне, кто под открытым небом. Переселенцы постарше, навестив соседей, возвращались домой. Кое-кто пытался заговаривать с Россом, но получал односложный ответ. На Коулмена не обижались – все понимали, что он еще не оправился от горя.

Вечер выдался тихий, лишь легкий ветерок шевелил ветви тополей, ясеней и дубов, окружавших опушку, где переселенцы остановились на ночь.

Такой вечер располагал к размышлениям. Чем больше Росс думал над словами Ма Лэнгстон, тем яснее понимал, что доля истины в них есть, и только дурацкое упрямство мешает ему в этом признаться. Кроме того, эта девушка своим видом постоянно напоминала Коулмену о его проклятом прошлом, о том, что он предпочел бы забыть.

Отчасти в этом ему помогала Виктория. Но теперь ее нет. Рядом с ним – невесть откуда появившаяся девица с буйной гривой волос, дерзким взглядом и роскошным телом. Она была для него символом той жизни, о которой Росс не желал вспоминать.

Но разве он управился бы с Ли, если бы не Лидия? Сын родился таким крохотным! Росс ничего не смыслил в детях, но в одном был убежден – ребенку нужна женская ласка. Он на собственной шкуре прочувствовал, каково расти без материнского глаза. А эта девушка любит Ли, тут у Росса сомнений не было.

С его губ сорвалось грубое словцо, которое при Виктории он произнести не решился бы. Со вкусом повторив ругательство, Коулмен затушил костер и направился к фургону, нервно потирая вспотевшие ладони.

Лидия кормила Ли. Наверное, в утробе матери ему не хватало пищи, и теперь он навостывал упущенное: сосал жадно, шумно, время от времени ударяя крошечным кулачком по груди, и, довольный, сучил ножками.

Лидия чувствовала странную гордость от того, что хоть в этом ей удалось превзойти Викторию Коулмен, идеальную женщину с молочно-белой кожей и волосами цвета спелой пшеницы. Хотя Виктория родила Ли, но зато любить он будет Лидию. Эта мысль приносила девушке удовлетворение.

Жаль, что у нее не хватает духу сказать об этом высокомерному отцу Ли. Он называет ее шлюхой. Слезы навернулись Лидии на глаза, но она не позволила им пролиться. Нечего плакать! Она совсем не такая, как о ней думают. Не такая!

Она не виновата в том, что с ней произошло. Она сопротивлялась, и когда ей удавалось одержать верх над Клэнси, засыпала вся в синяках. Но чаще всего это не удавалось...

Лидия закрыла глаза, содрогаясь от болезненных, унижительных воспоминаний. В те дни ей хотелось умереть. Но кто бы тогда заботился о больной мамочке? И она продолжала терпеть. Только когда матери не стало, Лидия решила убежать.

Как в результате столь мерзкого акта может появиться на свет такое нежное существо, как Ли? Глядя малыша по головке, Лидия вдруг подумала: неужели мистер Коулмен, обладая женой, тоже избивал ее? Она не могла представить себе этого. По словам Анабет, Росс боготворил Викторию.

Полог фургона распахнулся. Услышав шаги, Лидия подняла голову. Роскошные волосы, как мантия, закрыли ее обнаженную спину и плечи.

Слова застряли у Росса в горле при виде этого зрелища. Лидия сидела к нему спиной. Платье, вызвавшее у него такую злобу, было спущено до пояса. Он невольно залюбовался ее изящной тонкой талией. Но вот она повернулась к нему, и Росс увидел, что ее широко раскрытые глаза устремлены на него.

– Что ты делаешь? – хрипло спросил он.

– Кормлю Ли перед сном, – спокойно ответила девушка. Почему-то ее спокойствие взбесило Росса. Ни капли стыда у девицы! Ей следовало бы возмутиться, что он, не постучавшись, вторгся в такой неподходящий момент. Но если бы она это сделала, Росс обозлился бы еще больше. В конце концов, это его фургон!

Склонившись над малышом, Лидия обратилась к Россу:

– Вы что-то хотели?

Он неловко переминался с ноги на ногу, жалея, что не может выпрямиться во весь рост.

– Я... я хотел поговорить с тобой.

Вот так, коротко и ясно.

Лидия молча смотрела на него. Почему, черт возьми, она не прикроется? Виктория не стала бы кормить ребенка в присутствии постороннего человека. Но о Виктории лучше не думать. Он пришел сюда не за этим.

– Спасибо тебе, – наконец выдавил Росс.

– За что, мистер Коулмен? – удивилась Лидия. – За то, что я не ублажаю мужчин на глазах у вас и вашего ребенка?

– Черт побери! Я ведь пытаюсь быть с тобой ласковым!

– По-вашему, обзвать шлюхой значит быть ласковым? И с чего это вдруг такие нежности? Бойтесь, что я сбегу, и тогда Ли умрет от голода?

Росс на мгновение лишился дара речи. Во-первых, он был слишком сердит, во-вторых, не ожидал, что в таком хрупком теле скрывается столь неукротимый дух.

Лидия испугалась, решив, что зашла слишком далеко. Неужели он ударит ее? Поспешно отняв ребенка от груди, она встала со скамеечки, потом опустила на колени и уложила его в корзинку.

Росс молча наблюдал, как Лидия обтерла грудь кусочком фланели, оделась и застегнулась. Лишь приведя себя в порядок, она снова повернулась к Россу.

– Так за что вы меня благодарите?

– За то, что ты спасла жизнь моему сыну, – отрывисто бросил он.

Лидии стало стыдно. Конечно, этому человеку она не по душе, но сына-то он любит! Его благодарность дорогого стоит.

– В каком-то смысле он тоже спас меня, – прошептала она и, перехватив недоуменный взгляд Росса, пояснила: – Благодаря Ли я больше не думаю о смерти. Мое молоко дает ему жизнь. Так что мы квиты, мистер Коулмен.

О молоке она упомянула напрасно – Росс мгновенно перевел глаза на ее грудь, обтянутую узким платьем. Это соблазнительное зрелище притягивало его, как магнитом.

Лидия истолковала его взгляд по-своему.

– Извините. Я сама знаю, что платье не слишком приличное. – Она прикрылась руками.

Представив себе тугие соски в своей ладони, Росс сразу почувствовал, как отозвалось на эту мысль его тело, и про себя чертыхнулся.

– Спокойной ночи, – буркнул он, с усилием отводя взгляд.

– Жаль, что из-за меня вам приходится спать на земле. Это, наверное, неудобно...

«Во всяком случае, удобнее, чем спать рядом с ней в фургоне», – подумал Росс. Он уже выбрался наружу, когда вдогонку донеслось негромкое: «Спокойной ночи!»

Растянувшись на подстилке, Коулмен смотрел на звезды и ругал себя на все корки. Обзывает девицу шлюхой, а сам-то хорош! Почему тело так подвело его? И это через неделю после смерти жены, которую он любил всем сердцем!

Впрочем, у него есть оправдание – как только он узнал, что Виктория беременна, они перестали быть близки. Об этом смущенно попросила сама Виктория, и Росс тут же согласился. Превыше всего он ценил в жене обостренную чувствительность и аристократическую красоту. Ночь за ночью он лежал рядом с Викторией, сгорая от желания и не смея к ней прикоснуться, – так, по его мнению, должен был вести себя истинный джентльмен. Если, конечно, у него нет любовницы. Но Росс слишком любил жену и не помышлял о любовнице.

И вот теперь, после нескольких месяцев воздержания, плоть властно заявила о своих правах. Какой нормальный здоровый мужчина остался бы равнодушным при виде этого роскошного соблазнительного тела? Не его вина, что он чуть не потерял над собой контроль.

К несчастью, Росс потерял контроль не только над телом, но и над мыслями, иначе почему у него перед глазами все еще стоит образ этой девчонки: пышные волосы, струящиеся по спине, стройная талия, округлые бедра? Росс потер глаза, словно желая изгнать образ Лидии, но это ему не удалось. В довершение ко всему он понял, что завидует собственному сыну – ведь тот знает, какова Лидия на вкус.

Глава 5

Лидия проснулась перед рассветом. Ли еще спал. Надев единственный наряд, которым располагала, – злополучное платье Анабет, – и свои поношенные башмаки, девушка с трудом причесалась, собрала пышную массу волос в тугий узел и закрепила его на затылке шпильками, некогда принадлежавшими Виктории. Она с радостью обошлась бы без них, если бы сумела придумать другую прическу. Пользуясь вещами покойной, Лидия каждый раз вспоминала, насколько проигрывает в сравнении с безупречной женой мистера Коулмена.

Оглядев себя, она грустно вздохнула. Конечно, было бы разумнее надеть что-нибудь из вещей Виктории, но мистер Коулмен был не в ладу с разумом, когда дело касалось его жены. Он не подумал предложить Лидии воспользоваться платьями покойницы, и даже бойкая Ма не осмелилась обратиться к нему с такой просьбой. Чутье подсказывало ей, что Росс вряд ли это одобрит.

Стараясь унять волнение, Лидия перевела дыхание, распахнула брезентовый полог и вышла из фургона. Солнце только начало подниматься над горизонтом. Хлопотавший у костра Росс взглянул на девушку с удивлением.

– Доброе утро, – робко сказала Лидия. Интересно, чему он удивляется? Воображает, что она так и будет сидеть взаперти? О том, что еще вчера боялась покинуть спасительное уединение фургона, Лидия уже забыла.

– Доброе утро.

– Я сварю кофе.

Ее невозмутимость неприятно кольнула Росса. Лидия держалась так, словно они каждое утро встречались у костра, готовили завтрак, обсуждали дела на день. Росс огляделся. Почти у каждого фургона виднелись пары, занимавшиеся тем же самым.

Да, но ведь он и эта девица никакая не пара! Росса вдруг охватило странное смущение, и, чтобы скрыть его, он буркнул:

– Пойду побреюсь.

Лидия заметила, что за ночь подбородок Росса покрылся темной щетиной. Черные усы обрамляли верхнюю губу. «Интересно, каковы они на ощупь», – внезапно подумала девушка. Мужчины, которых она знала, носили бороды просто потому, что ленились бриться. Время от времени, когда борода чересчур отрастала, они кое-как подстригали ее. Росс же явно следил за своими густыми усами: они блестели, как шелк.

– Если вы покажете мне, где мука, я испеку оладьи.

Пока Коулмен брился, Лидия испекла оладьи и поджарила бекон. Приготовленный ею кофе разительно отличался от того, что варил сам Росс. Он даже превосходил по вкусу напиток, который подавала ему Виктория. Поклонница чая, его жена не понимала разницы между крепким и слабым кофе; поэтому Россу приходилось довольствоваться коричневатой водичкой.

Однако Коулмен не поблагодарил Лидию. Завтрак прошел в молчании. Когда тарелка Росса опустела, девушка, не спрашивая, положила ему вторую порцию, которую он проглотил с не меньшим аппетитом.

– Какой сегодня день? – спросила Лидия, убирая посуду.

– Четверг, а что?

– Ма говорила, что по воскресеньям фургоны стоят, и тогда женщины устраивают большую стирку. Боюсь, мне придется заняться этим раньше – у Ли накопилось много грязных пеленок.

Испачканные пеленки каждый вечер забирала Анабет и наутро возвращала Лидии чистые. А вот от корзины, куда складывали мокрые, уже исходил неприятный запах. Да и

тряпки, которыми Лидию снабдила Ма на время кровотечения, тоже следовало выстирать, тем более что нужды в них больше не было. На ферме Расселов никто не следил за собой, но мать Лидии все-таки приучила дочь к чистоплотности. То, что ей несколько дней приходилось воздерживаться от мытья, чрезвычайно огорчало девушку.

– Можно согреть воду после ужина. За ночь белье высохнет.

Лидия кивнула. Едва она вымыла посуду, как из фургона донесся плач голодного Ли.

– Самое время, – улыбнулась девушка.

– А я пока займусь лошадьми. – С усилием отведя взгляд от зардевшегося в лучах восходящего солнца лица Лидии, Росс направился к загону.

Переменив пеленки, девушка прислонилась к стене фургона и начала кормить Ли. Лагерь давно проснулся. Большинство переселенцев уже покормили с завтраком, и теперь женщины собирали вещи, покрикивая на детишек, а мужчины приводили в порядок упряжь.

Лидия закрыла глаза, наслаждаясь благодатным покоем этого необычного замкнутого мирка, так непохожего на тот пугающий огромный внешний мир, из которого она недавно бежала. Здесь никто ничего не знает ни о ней, ни о Расселах. И даже если в лесу обнаружат мертвеца с проломленным черепом, а Лидия от души надеялась, что этого не случится, никому и в голову не придет связать это с ней. Здесь она в безопасности.

Росс возился с упряжью, ласково похлопывая лошадей по крупу и что-то бормоча. Ей было приятно слышать его низкий грудной голос и мелодичное позвякивание сбруи. В воздухе уютно пахло дымком костра, лошадьми и кожей. Лидия наслаждалась этими запахами и звуками, пока Ли с аппетитом завтракал.

Чуть приподняв глаза, она вдруг заметила, что Коулмен стоит у загона и украдкой наблюдает за ней из-под полей широкополой шляпы. Оттуда Лидия была видна как на ладони. Он так увлекся, что даже забыл о том, чем занимался, – рука, обтянутая перчаткой, застыла на уздечке.

Поймав взгляд девушки, Росс очнулся, поспешно отвел глаза и начал с преувеличенным старанием проверять упряжь.

Странное чувство охватило Лидию. Оно зародилось в недрах ее женского естества, распространилось по всему телу и достигло груди. Ей показалось, что она задыхается. Ничего подобного девушка прежде не испытывала. Это так же поразило ее, как и пристальный взгляд Росса. Она слегка опустила голову, ожидая, пока Ли закончит трапезу, и больше в сторону загона уже не смотрела.

Не успела Лидия поменять ребенку пеленки, как караван тронулся в путь. По словам Ма, еще недавно они делали по двенадцать-пятнадцать миль в день, но весенние дожди размывали дорогу, что чрезвычайно затруднило передвижение. Даже маленькие речушки вышли из берегов, а мосты, уцелевшие после войны, пришли в столь плачевное состояние, что не могли выдержать тяжести фургонов.

Сегодня Росс сам занял место возницы. Начав с размеренного шага, лошади вскоре побежали быстрее. Теперь они не остановятся до полудня, когда переселенцы сделают привал.

Между тем Лидия, справившись со своими нехитрыми обязанностями, заскучала. Неужели и сегодня ей придется весь день лежать, и она так и не найдет, чем заняться? Подышать свежим воздухом было бы весьма кстати.

Робко просунув голову между створками полога, девушка тронула Коулмена за плечо. Он дернулся, как подстреленный, и резко обернулся. Лидия поспешно убрала руку.

– Ну что еще? – отрывисто спросил Росс.

Его недружелюбный тон окончательно смутил девушку. Похоже, он намерен продержат ее взаперти до конца путешествия. Небось когда его обожаемая Виктория восседала рядом с ним под своим кружевным зонтиком, Коулмен не возражал!

– Я хочу немного подышать воздухом, – объяснила Лидия.

Он молча подвинулся, освобождая ей место на широком гладком сиденье. Держась за полог, девушка начала нелегкий переход. Фургон трясло и бросало из стороны в сторону. Она и не предполагала, что сиденье находится так высоко над землей. Лидия уже почти достигла цели, как вдруг левое переднее колесо наехало на камень и фургон опасно накренился. Стараясь удержать равновесие, девушка судорожно взмахнула руками и сбила с Коулмена шляпу.

Лидию бросило в сторону, но тут же прижало к Россу, так что его рука оказалась между ее грудями. Пытаясь отстраниться, она уперлась ладонью ему в бедро. Однако пальцы ее соскользнули. Оправившись от испуга, девушка осознала, что лежит у Коулмена на коленях, а ее ладонь зажата у него между ногами.

Она замерла от смущения. Когда прошло головокружение, Лидия выпрямилась и сделала вид, будто ничего не случилось. И тут обнаружила, что сидит на шляпе Росса!

Снова упершись в его бедро, она вытащила из-под себя злополучный головной убор и дрожащей рукой протянула Коулмену. Он выругался сквозь зубы.

– Простите, – пролепетала сконфуженная девушка. – Я... я не думала, что здесь так высоко.

Росс повернул к ней голову. Его глаза метали молнии, рот превратился в узкую щелку.

– В следующий раз будь поосторожнее.

Лидия заметила, что даже голос у него изменился, но не понимала почему. Неужели она причинила ему боль?

Росс водрузил шляпу на место – по мнению Лидии, совершенно напрасно. У него ведь такие красивые темные волосы! А как они блестят на солнце... Впрочем, приглядевшись, она решила, что шляпа ему тоже к лицу.

Поношенный рабочий костюм ладно облегал фигуру Росса. На нем были те же черные высокие сапоги, в которых Лидия увидела его впервые, темные штаны, синяя хлопчатобумажная рубашка и черный жилет. На шее красовался пестрый ситцевый платок.

Опасаясь, как бы Росс не заметил, что она разглядывает его, Лидия опустила глаза. Теперь в поле ее зрения оказались руки Росса. Черные кожаные перчатки были слегка отвернуты и обнажали запястья, поросшие темными волосами. Он держал вожжи небрежно, но лошади слушались малейшего его движения. В этих руках угадывались и недюжинная сила, и нежность. Интересно, как он ласкал жену?

От этой мысли у Лидии екнуло сердце, и она быстро устремила взгляд вперед. Там двигалось около десяти фургонов. Девушка оглянулась назад, но не увидела ничего: опасаясь вывалиться, она решила не делать слишком резких движений.

– Где мы?

– К востоку от Мемфиса. – Росс все еще не оправился после утренней сцены. И с чего ему вздумалось подглядывать? Слава богу, что в этот раз Лидия не разделась до пояса, как накануне, а обнажила только одну грудь, когда кормила Ли! Несмотря на неприязнь к этой девице, Коулмен с удовлетворением отметил, что выражение лица у нее безмятежное и счастливое, а уголки губ чуть тронуты мечтательной улыбкой. Любой мужчина пришел бы в восторг, если бы женщина так посмотрела на него.

Росс беспокойно заерзал на сиденье. Что за дурацкие мысли! Уж ему-то, во всяком случае, женщины никогда так не улыбались. В юности он имел дело лишь с проститутками, а те относились к своему занятию как к ремеслу и старались поскорее обслужить клиента, чтобы перейти к следующему.

Потом появилась Виктория. От нее Росс Коулмен и не ожидал бурной страсти. Таким воспитанным леди, как его жена, не пристало получать от «этого» удовольствие. Виктория никогда не отказывала мужу, но сама инициативы не проявляла.

Конечно, он больше никогда никого не полюбит. Это исключено. И все же было бы приятно, насладившись страстью, увидеть на лице подруги улыбку вроде той, что он подсмотрел у Лидии... Черт побери! Росс поймал себя на том, что впервые мысленно назвал ее по имени, а не просто «эта девица».

Какого черта она на него рухнула? Он до сих пор ощущал болезненное напряжение там, куда угодили ее пальцы, а его рука хранила прикосновение упругой груди Лидии.

Росс громко откашлялся, пытаясь отогнать непрошенные мысли.

– Послезавтра мы, должно быть, доберемся до реки.

– Какой реки?

«Она что, совсем тупая?»

– Миссисипи, разумеется, – язвительно пояснил он.

– Ну и нечего задаваться. Умник нашелся! – парировала девушка, обиженная насмешливым тоном Росса. Понятно, она слышала о Миссисипи, но не имела представления, где эта река течет. В школу Лидия ходила всего два года – до того, как они с мамой перебрались к Расселам. Не ее вина, что она так невежественна.

– Надень шляпу, а то сгоришь, – проронил Росс, заметив, что кончик носа у нее уже покраснел.

– У меня нет шляпы, – надменно отрезала Лидия.

Он хлестнул лошадей, вымещая на них свою злобу. И почему эта девица так раздражает его?

Время от времени их фургон обгоняли всадники, в основном мужчины. Росс деловито представлял свою спутницу:

– Это Лидия. Она заботится о Ли.

Мужчины, снимая шляпы, кланялись и называли себя. Вначале Лидия робела, но потом успокоилась. Во взглядах, которые бросали на нее проезжающие, не было ни презрения, ни осуждения, лишь легкое любопытство.

И все же один человек не понравился ей сразу – молодой парень с белокурыми бачками и густыми усами. Окинув девушку ленивым взглядом, он лукаво подмигнул Россу и протянул: «Рад познакомиться, Лидия», в отличие от других, не прибавив «мисс». К счастью, Скаут редко появлялся вблизи каравана. Судя по прозвищу, в его обязанности входило прокладывать маршрут, и, похоже, переселенцев вполне удовлетворяла его работа. Перед отъездом Скаут пообещал, что на ночлег они всегда будут останавливаться рядом с водой, и пока держал свое слово.

Ближе к полудню с фургоном Росса поравнялись мальчики Лэнгстонов.

– Смотрите, что мы нашли! – еще издали завопил Люк, размахивая двумя тощими петухами. – Мама пообещала зажарить их и приглашает вас отобедать с нами.

Росс расплылся в улыбке – видимо, жизнерадостность юных Лэнгстонов заразила и его. Глядя на эту ослепительную белозубую улыбку, так и сверкавшую на загорелом лице под темными усами, Лидия ощутила странное томление в груди. Сердце гулко застучало, словно норовя выскочить наружу.

– Спасибо. Не займешь ли после обеда мое место, Бубба? Хочу дать кобылке размяться.

– Лучше возьми меня с собой, Росс!

Подросток просиял. Его голубые глаза округлились от изумления, когда он увидел Лидию на сиденье рядом с Россом – на месте самой Виктории. А уж от декольте Лидии парень и вовсе не мог оторвать глаз. Не зная, как отнесется Росс к тому, что он уставился на его спутницу, Бубба отвернулся. Тем более что и мать говорила – невежливо пялиться на людей, особенно на женщин.

Коулмен покачал головой:

– Кто же будет управлять фургоном?

– Я, – с готовностью отозвался Люк, уже давно ревновавший Росса к старшему брату. Его обижало, что Коулмен не обращает на него внимания, будто он какая-нибудь мелюзга вроде Мики!

Мальчишки затаили дыхание, ожидая, что скажет их кумир.

– Пожалуй, так и сделаем, – проговорил наконец Росс. – Заодно и двух кобылок прогуляем вместо одной.

– Ура! – завопил Люк, прищпорив коня, ему не терпелось поскорее сообщить новость родственникам.

– Только если мама тебе позволит! – крикнул вдогонку Росс.

Полуденная остановка была короткой. Лидия зашла в фургон покормить Ли. Он только что проснулся и плачем требовал ее внимания. Когда пришло время трогаться в путь, появился Люк с широкополой соломенной шляпой в руке.

– Мистер Коулмен сказал маме, что у тебя весь нос обгорел. Вот возьми! Шляпа, правда, старая, но от солнца защитит.

Лидия рассеянно повертела в руках головной убор, не зная, чему больше удивляться – неиссякаемой щедрости миссис Лэнгстон или тому, что Коулмен проявил о ней заботу.

До конца дня она не видела его. Порой на горизонте появлялись две крошечные точки – это Росс и Бубба мчались на лошадях. Жаркое солнце разморило девушку, и по совету Люка она вернулась в фургон. Удобно устроившись на подстилке, Лидия проспала до вечера. Когда она открыла глаза, фургоны стояли вокруг широкой лужайки. Дневной переход был закончен.

Накормив Ли, девушка вынесла корзинку в тень и занялась приготовлением ужина. Едва она успела сполоснуться холодной водой и причесаться, как появился Росс, грязный и потный.

Увидев на огне горшочек с бобами, он недовольно бросил:

– Мне казалось, мы ужинаем у Лэнгстонов.

Почему-то эта мирная сцена – готовящийся на костре ужин, спокойно спящий Ли, Лидия, которая к его приходу привела себя в порядок, – вызвала у Коулмена непонятное раздражение.

– Так оно и есть. Но я весь день вымачивала эти бобы, и было бы грешно не приготовить их. Я предупредила Ма, что мы принесем бобы как нашу долю.

Ему не понравилось это «мы» и «наша доля». Они что, супруги?

– Можешь нести их как твою долю. Свою я уже отработал – помог Зику подковать лошадь.

– Отлично, мистер Коулмен, – вскипела Лидия. – Я согрела для вас воду, но, пожалуй, мне она нужнее. Надо же в конце концов заняться стиркой! – И девушка прошла мимо Росса, демонстративно придерживав юбку, словно боялась испачкаться о его пыльные сапоги.

Коулмену хотелось схватить ее за волосы и выложить напрямик, что, если Лидия заботится о его ребенке, это еще не значит, будто она имеет какое-то отношение к нему. Но пока Росс собирался с мыслями, девушка уже скрылась в фургоне. Кроме того, он не знал, как поведет себя, если коснется ее волос.

Сообразив, что его лишили горячей воды, Коулмен от души выругался. Придется довольствоваться холодной. Обогнув фургон, он начал раздеваться.

Между тем Лидия занялась стиркой. «Надо бы и его рубашку простирнуть», – подумала она и направилась туда, где мылся Росс.

Он стоял в одних штанах и сапогах. Кожа на руках и груди казалась необычайно белой в сравнении с загорелым лицом. На мгновение Лидия замерла, залюбовавшись его точными движениями и наблюдая за тем, как он моется.

Заметив девушку, Коулмен остолбенел. Мыльная вода капала с его пальцев, но он не обращал на это внимания. Несколько минут они молча смотрели друг на друга.

– Давайте вашу рубашку, я постираю, – наконец предложила Лидия.

Росс молча подал ей рубашку и, только вытираясь, понял, что ему нечего надеть. Возбравшись в фургон, он больно стукнулся головой, чуть не наступил на Ли, но, пошарив в комод, ничего не нашел.

– Эй! – негромко позвал он, просунув голову в щель между створками. Лидия, которая в этот момент развешивала белье, обернулась. – Не могу найти рубашку, – пояснил Росс.

– Ах да! Я убрала ее. Сейчас принесу.

Коулмен нервно оглянулся, надеясь, что их никто не видит. Он по пояс голый, а тут еще эта девица... Как нарочно, стоя неподалеку, миссис Уоткинс, открыв рот, созерцала пикантную сцену. Ее дочь Присцилла многозначительно ухмылялась. Интересно, у этой девицы есть хоть какое-то представление о приличиях? Россу стало не по себе.

Лидия же, проигнорировав дам, спокойно залезла в фургон и подошла к комоду.

– Я положила ваши вещи сюда. – Только сейчас Росс смекнул, что обстановка в фургоне изменилась. Ничто больше не напоминало о Виктории – об этом позаботилась Ма, расставив мебель аккуратно и очень разумно.

Подав Коулмену рубашку, Лидия заметила глубокий шрам на левой стороне груди и тут же отвела взгляд.

– Спасибо, – угрюмо бросил он, мечтая только о том, чтобы она побыстрее убралась отсюда. Но не тут-то было.

– Мистер Коулмен, научите меня управлять лошадьми, – вдруг попросила Лидия, глядя на него снизу вверх, поскольку доставала ему только до плеча.

– Управлять лошадьми? – машинально переспросил Росс, гадая, что лучше – надеть рубашку сейчас или подождать, пока она уйдет. Наконец выбрал первое, лишь бы укрыться от любопытного взгляда Лидии. – Не стоит, – продолжал он, просовывая руки в рукава. Интересно, куда она смотрит – на его соски или на шрам?

– Почему?

– Потому что ты вряд ли с этим справишься. У тебя голос слишком мягкий.

Что у него с пальцами? Он что, первый раз застегивает рубашку?

– А жене вы позволяли править?

Теперь, когда рубашка была застегнута, выяснилось, что он сунул пуговицы не в те петли. Пришлось начинать все сначала.

– Да.

– Разве у нее был грубый голос?

– Нет, черт побери! – Коулмен сорвался на крик и тут же спохватился, что его услышат в лагере. – Нет, голос у нее был не грубый, – процедил он.

– Но ее вы научили.

– Да.

– А почему мне нельзя?

– Нечего тебе возиться с моей упряжкой.

– Почему? – упрямо повторила она.

Покончив с рубашкой, Росс начал застегивать штаны. Лидия смотрела на эту процедуру во все глаза – она впервые видела штаны, которые держались на пуговицах, а не на подтяжках. Завершив туалет, Коулмен щелкнул застежкой широкого кожаного пояса.

– Потому что у тебя хватает забот с Ли.

Она окинула его взглядом из-под полуопущенных ресниц, не сознавая, как мила в эту минуту.

– Но он почти все время спит. А мне так понравилось ехать наверху! И вы смогли бы прогуливать лошадей, если бы я заняла ваше место. И потом, я же не собираюсь править все время, но хоть буду знать, как это делается.

Желая поскорее закончить спор и выбраться наконец из фургона, Росс буркнул:

– Посмотрим. Только не думай, что это легко.

Он вышел, а Лидия удовлетворенно усмехнулась.

В обиталище Лэнгстонов царила обычная суматоха. Петухов съели с большим аппетитом, все косточки обглодали.

Одному Буббе неожиданное пиршество не доставило удовольствия. Отодвинув почти полную тарелку, он ускользнул в темноту якобы затем, чтобы проверить лошадей. Несколько минут спустя Люк нашел брата – тот сидел, прислонившись к дереву, и задумчиво вертел в руках веточку.

– Что с тобой? Живот разболелся?

– Иди отсюда.

– А я знаю, чего ты такой кислый, – с торжеством объявил Люк. – Тебе не дают покоя сиськи Лидии.

Бубба мгновенно вскочил и принял воинственную позу.

– Заткнись, ублюдок!

Люк усмехнулся, ничуть не испугавшись.

– Я же вижу, как ты на нее пялишься. А до этого пялился на Присциллу Уоткинс. Она так и норовит выставить свои сиськи наружу каждый раз, когда ты проезжаешь мимо их фургона, а ты постоянно там крутишься. Козел!

Такого оскорбления Бубба снести не мог. Мальчики сцепились и кубарем покатались по земле.

– Что здесь происходит? – раздался повелительный окрик Росса. Он схватил верхнего борца – им оказался Люк – и рывком поставил его на ноги. Бубба поднялся сам. Оба тяжело дышали. Из носов и многочисленных царапин сочилась кровь.

– Вам что, больше делать нечего?

Коулмен слишком хорошо знал, как это бывает, – вначале кулаки, потом пистолеты, а все желание доказать, что ты сильнее. Если бы в свое время кто-нибудь остановил Росса, возможно, его жизнь сложилась бы по-другому. Но увы...

– Бубба, ты, кажется, собирался помочь мне подковать лошадь.

– Конечно, Росс.

– А ты, – Коулмен обернулся к Люку, – принеси-ка нам воды. Лидии надо кое-что постирать. – Он впервые вслух назвал ее по имени. – Но прежде пожмите друг другу руки.

Мальчики нехотя подчинились, думая о том, что им предстоит неприятный разговор с матерью.

Лидия наслаждалась жизнью. Она и не предполагала, что на свете существуют такие добросердечные люди, как ее новые знакомые. Одни проявляли излишнее любопытство, другие вели себя сдержанно, но в целом девушку приняли благосклонно, и все благодаря Ма. Миссис Лэнгстон пользовалась несомненным авторитетом среди переселенцев, почти таким же, как мистер Грейсон. Ее материнский инстинкт распространялся на всех обитателей лагеря. Она награждала похвалами и подзатыльниками так же легко, как управлялась с собственными детьми.

Лидия постаралась запомнить, как кого зовут. Больше всех ей понравилась чета Симс и две их маленькие дочери, а также семья Ригсби – родители, двое мальчуганов и малышка дочка, недавно отнятая от груди. Познакомилась Лидия и с матерью близнецов, которым

едва исполнился год. Они уже пытались ходить и время от времени потешно шлепались на попку. Были и другие – Коксы, Норвуды, Эплтоны, Гриры, Лоусоны. Дамы ворковали над Ли, который, несмотря на шум, спокойно посапывал в корзинке.

Миссис Грир предложила Лидии воспользоваться вещичками ее близнецов.

– Моим они уже не нужны. Чего зря пропадать!

Такая щедрость казалась девушке невыносимой – она давно заметила: люди неохотно расстаются с тем, что им принадлежит.

Когда настала пора прощаться, Ма Лэнгстон принесла Лидии рубашку Люка и старую юбку Анабет.

– Правда, они не такие красивые, как платье, но в них тебе будет удобнее.

Вернувшись к фургону, Лидия с удивлением увидела там Люка – мальчик деловито натягивал веревку между двумя могучими дубами.

– Мистер Коулмен попросил. Сказал, что ты повесишь здесь белье.

– Спасибо.

Покончив с делами, девушка забралась в фургон. Она очень устала. Лагерь постепенно затихал. Лидия покормила Ли, уложила его в колыбельку и облачилась в ночную сорочку, подаренную Ма.

Ей не хотелось засыпать до возвращения Росса. Сознание того, что он рядом, совсем близко, придавало ей уверенности. Хотя кого теперь опасаться?

– Клэнси мертв, – прошептала она в темноту. – Больше он ничего мне не сделает.

Лидия дремала, когда послышались шаги Росса. Откинув полог, она тихо сказала:

– Спокойной ночи, мистер Коулмен.

Он быстро обернулся. В лунном свете четко обозначился ее силуэт. Даже в ночной сорочке Лидия казалась тоненькой и хрупкой. Каштановые волосы волнами падали ей на плечи и на спину.

– Спокойной ночи, – буркнул Росс, растягиваясь на своем жестком ложе.

«И чего он злится? – думала Лидия. – Наверное, беспокоится, сумеем ли мы переправиться через Миссисипи. Это произойдет совсем скоро. Может, он тогда подберет...»

Глава 6

В течение двух дней фургоны ехали почти без остановки – всем не терпелось поскорее добраться до Миссисипи. Река представлялась переселенцам некоей вехой. Как только они ее пересекут, Теннесси останется позади, а с ним и прежняя жизнь.

Росс правил сам, время от времени показывая Лидии, как это делается, но не выпускал вожжи из рук. Он старался не смотреть на девушку, хотя с удовлетворением отметил изменения в ее наряде. Конечно, старая рубашка Люка и поношенная юбка Анабет выглядели не слишком нарядно, но все же лучше, чем нескромное платье, в котором его спутница красовалась до сих пор.

Лидия, не обращая внимания на дурное настроение Коулмена, постоянно вовлекала его в разговор и поражала при этом своей наивностью и полным невежеством. Порой ему казалось, что она и впрямь дурочка. Хотя вряд ли. Девушка сразу запоминала все, что он говорил, и жаждала узнать больше.

– Вы воевали?

Он кивнул.

– За южан.

– Значит, вы сторонник рабства?

– Вовсе нет. Просто я родом с Юга. – Росс почувствовал, что это прозвучало неубедительно. Лидия инстинктивно нащупала его слабое место.

Патриотизм не имел никакого отношения к тому, на чьей стороне сражался Росс. Война позволила беспутному молодому человеку безнаказанно убивать и грабить. Он рвался в бой, и скоро такая возможность представилась – Росс наткнулся на отряд партизан и охотно присоединился к нему. Благородные идеалы Юга были тут ни при чем.

– Однажды я видела колонну солдат. Они проезжали мимо нашей фермы, все в одинаковой форме. А у одного был флаг.

– Янки. У нас-то никаких форм и флагов не было.

Свою форму Росс снял с убитого солдата. Партизаны никогда не двигались колонной – они появлялись ночью, как призраки, сея смерть и разрушение. Росс, как будто созданный для такого рода набегов, чувствовал себя в своей стихии. Страха смерти у него не было.

– Больше я солдат не видела, но иногда слышала вдалеке выстрелы.

– А где твоя ферма?

Лидии не хотелось вдаваться в подробности, и она уклончиво ответила:

– В северо-восточном Теннесси.

– И вас ни разу не грабили?

Она горько усмехнулась:

– Да там и брать-то было нечего.

Большинство боевых товарищей Росса не задумываясь воспользовались бы девушкой, раз уж не удалось раздобыть съестное. Впрочем, война кончилась шесть лет назад. Тогда Лидия была совсем девчонкой.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Скоро двадцать. А вам?

– Гораздо больше, – угрюмо бросил Коулмен. Вообще-то ему было тридцать два, но он отсчитывал годы с того дня, как повстречался с Джоном Саксом.

К фургону подъехал Уинстон Хилл, гарцуя на белой кобылке.

– Добрый день, мисс Лидия, мистер Коулмен.

– Здравствуйте, мистер Хилл.

– Говорят, если повезет, на закате мы прибудем в Мемфис.

– Мало ли чего болтают, – пренебрежительно отозвался Росс.

Лидии стало неловко. Она попыталась смягчить резкость своего спутника.

– Как вы думаете, мистер Хилл, нам удастся переправиться? – поинтересовалась девушка, глядя на молодого человека из-под полей шляпы.

– Это зависит от того, широко ли разлилась река. – Мистер Хилл откашлялся. – Как только окажемся на той стороне, мы с Мозесом просим вас отметить с нами это событие бокалом шерри. Мы будем очень рады.

Лидия не имела представления о том, что такое шерри, но, судя по названию, это казалось ей чем-то восхитительным. Она уже хотела принять приглашение, но тут вмешался Росс:

– Благодарю, но мы вряд ли сможем – по вечерам Лидия кормит Ли, а я занят с лошадьми.

Это не обескуражило Хилла.

– Если у вас выдастся свободный вечерок, милости просим. – Коснувшись полей шляпы, он ускакал.

– В следующий раз, когда меня куда-нибудь пригласят, позвольте мне самой разобраться, идти или нет, – отчеканила Лидия, когда Хилл отъехал на значительное расстояние.

– Пока ты живешь у меня, этого не будет, – процедил сквозь зубы Росс. – Я не потерплю, чтобы ты флиртowała с этим хлыщом и вообще с кем бы то ни было.

– Я не флиртowała! – с жаром возразила девушка. – Просто вела себя вежливо. А вот ваши манеры оставляют желать лучшего.

– Я просто не выношу этого типа.

– Он говорил только хорошее и о вас, и о Виктории. Чем же вам не угодил?

Росс молча пожал плечами. Уинстон Хилл олицетворял собой образец джентльмена, казавшийся Коулмену недостижимым. Такой был бы куда более подходящим мужем для Виктории. Росс вспомнил тот день, когда познакомился с Хиллом. Обнаружив, что у них общие знакомые, Хилл и Виктория заговорили об этих людях так утонченно, что Росс не все понял.

С той поры он невзлюбил Хилла. По мнению Росса, изысканность этого молодого человека видели все. Значит, справедливо полагал он, и его, Росса, темное прошлое ни для кого не секрет.

– Почему он постоянно кашляет? – спросила Лидия.

– У него туберкулез.

– А что это такое?

– Легочная лихорадка. Подхватил в лагере для пленных. А когда наконец вернулся домой, обнаружил, что ни плантации, ни слуг больше нет. Дом и тот разрушен. Остался один Мозес. Хилл переехал в город, но там ему стало еще хуже. Теперь вот перебирается на юг, поближе к теплу.

Лидия сочувственно посмотрела вслед молодому человеку:

– Как мне жаль его!

Это невинное замечание почему-то привело Коулмена в раздражение. Он умолк, и до самого вечера они не разговаривали.

Мемфис предстал перед Лидией в туманной дымке дождя. Она никогда не видела такого большого города. Даже издали он поражал своими размерами. Она любовалась бы им еще долго, но пришлось заняться делами.

– Надо бы поскорее развести костер. – Росс озабоченно посмотрел на небо. Холодный ветер быстро гнал зловещие тучи.

Кое-как костер развели, несмотря на сырые дрова. Хотя огонь еле теплился, Лидия все же поджарила несколько порций мяса и испекла две солидные стопки оладий.

Между тем дождь усилился. Обитатели лагеря пришли в уныние. Миссисипи виднелась внизу под холмами, на которых они расположились, но если раньше переправа внушала опасения, то теперь представлялась по-настоящему рискованной. Река вздулась от бесконечных ливней. Сквозь пелену дождя был едва виден противоположный арканзасский берег. Даже на тех, кто всю жизнь прожил вблизи бурной реки Теннесси, полноводная и широкая Миссисипи произвела впечатление.

И все же люди готовы были пересечь огромную реку, если бы не злополучный дождь. Пройдет несколько дней, а возможно, и недель, прежде чем им удастся осуществить задуманное.

– Завтра утром мы с Грейсоном попытаемся найти паром, – сообщил Лидии Росс, когда они перетаскивали свои пожитки в фургон, подальше от разбушевавшейся стихии.

– А вам это удастся?

– Кто его знает... Проклятый дождь! Здешние жители очень суеверны и не сунутся на реку, пока не выглянет солнце.

Боясь разозлить его еще больше, Лидия не стала ни о чем расспрашивать. Однако, увидев, что он взял второе одеяло, робко поинтересовалась:

– Неужели вы собираетесь спать снаружи, мистер Коулмен?

Он посмотрел на нее в замешательстве. Лидия кормила Ли, целомудренно прикрыв обнаженную грудь и плечо фланелевым одеялом. Она делала это с того дня, когда Росс застал ее врасплох. Такая стыдливость радовала Коулмена, хотя он до сих пор не забыл прелестной картины – крошечная головка его сына на молочно-белой роскошной груди.

– А что скажут люди, если узнают, что мы спим в одном фургоне? – отрывисто бросил Росс.

– Скажут, что у вас хватило ума укрыться от дождя, – парировала Лидия. Дурная погода и упрямство этого человека действовали ей на нервы. Неужели Росс вообразил, что она хочет его соблазнить? Вот уж о чем она меньше всего думает, так это о том, чтобы лечь с мужчиной в одну постель!

– Нет, я не могу остаться. Увидимся утром.

Забравшись под фургон, Росс закутался в одеяло и накрылся брезентом. Сырость и холод принесли ему желанное облегчение, поскольку лихорадочный жар снесдал его уже несколько дней.

Коулмен вернулся около полудня, вымокший до нитки и злой как черт. Дождь лил не переставая. Росс, мистер Грейсон и еще несколько мужчин съездили на берег и побеседовали с хозяином паромной переправы. Как и предвидел Росс, тот наотрез отказался перевозить в такую отвратительную погоду через бурные воды двадцать фургонов с женщинами и детьми, да еще в придачу конные упряжки.

– Сказал, что надо переждать, пока дождь немного стихнет, – угрюмо закончил Росс, глотая холодный кофе, поданный Лидией.

– Вы голодны?

– Пожалуй, поел бы.

Девушка развернула салфетку. В ней было несколько оладий и сэндвич с беконом.

– Ма посылает мальчиков в город за консервами. Может, попросить их купить что-нибудь для Ли?

Лидия покачала головой. «А вот мне самой кое-что не помешало бы», – подумала она. К примеру, нижняя сорочка. Тогда, подложив под нее мягкую ткань, Лидия могла бы не прятаться от всех каждый раз, когда подступает молоко, отчего одежда мгновенно промокает.

– Наши дамы дали ему все необходимое. Пока Ли не подрастет, ему ничего не понадобится.

Росс с радостью сам поехал бы в город, но это было слишком рискованно. Он и так совершил непростительную глупость, отправившись на переговоры с паромщиком. Правда, прошло уже три года. И все же...

День тянулся бесконечно. Ли все время спал, как ни старалась Лидия его расшевелить. Ей было скучно сидеть в фургоне одной. Другие женщины, воспользовавшись неожиданной передышкой, занялись делами, шили или говорили с мужьями и старшими детьми о том, как будут жить в Техасе. Лидия же коротала время одна – Росс, по обыкновению, отправился к лошадям.

Уже смеркалось, когда она услышала голоса Люка и Буббы. Девушка откинула полог и выглянула наружу. При виде братьев она не сдержала смеха. Оба вымокли до нитки, с полей их шляп стекали потоки воды. Однако жизнерадостность не изменила юным Лэнгстонам. Поездка в город им явно понравилась. Теперь воспоминаний хватит на целую неделю.

– Мы купили то, что просил Росс, – груши, персики, консервы в томатном соусе и копченую колбасу, – Бубба вытащил продукты из седельной сумки и передал Лидии.

– Колбаса так пахнет, что у нас даже слюнки потекли, – признался Люк.

– А себе вы купили?

– Нет, – сухо отрезал Бубба, готовый прикончить младшего брата за болтливость.

Лидии стало неловко. Она догадалась, что Лэнгстоны не могут позволить себе такую роскошь, как колбаса. Ей вспомнилось, как они с матерью целый день работали на ферме за жалкий кусок сала или бекона.

– Вы заслужили награду. – Пошарив в ящике с кухонными принадлежностями, она достала нож и отрезала каждому по кусочку. – Угощайтесь!

Люк тут же сунул лакомство в рот, Бубба проявил сдержанность.

– Большое спасибо, мисс Лидия.

Он с радостью отметил, что девушка сменила наряд, хотя и в рубашке Люка ее грудь выглядела весьма соблазнительно.

Тайны женского тела с недавних пор стали волновать Буббу больше всего на свете. Весь сегодняшний день он думал о Присцилле Уоткинс. Вчера, когда мальчик проходил мимо их фургона, она стояла под дождем. Промокшее насквозь и прилипшее к телу платье позволяло разглядеть ее фигуру во всех подробностях. Услышав шаги, она обернулась. Присцилла явно не подозревала, что сквозь мокрую ткань ее грудь отчетливо видна. Буббе же это зрелище стоило бессонной ночи. Он ворочался с боку на бок, гадая, каковы на ощупь эти прелестные выпуклости.

Сейчас он испытывал такое же волнение, глядя на стройную фигурку Лидии.

– Мы, пожалуй, пойдем. Наверное, мама уже заждалась.

– Конечно. Еще раз спасибо, – улыбнулась Лидия.

Вскоре вернулся Росс, вымокший до нитки. Они сели ужинать. Скучная порция – еду пришлось растянуть на несколько дней, – к тому же холодная, поскольку разогреть было не на чем, показалась Лидии сказочным пиршеством. До знакомства с Лэнгстонами и Россом она никогда не пробовала таких вкусных вещей.

Девушка со страхом думала о том, что скоро Коулмен уйдет. Самому Россу этого тоже не хотелось. Он с содроганием представил себе, как снова уляжется на холодную мокрую землю... Бр-р! А здесь было так уютно. Горела лампа, тихо посапывал Ли. К тому же здесь находилась Лидия. Ее присутствие придавало фургону особое очарование.

Он попытался оттянуть неприятный момент, занявшись починкой уздечки, хотя это можно было сделать и через несколько дней. Чтобы не давать пищу сплетням, Росс расположился подальше от Лидии – ведь их тени на брезентовом пологе виднелись очень отчетливо.

Наконец с уздечкой было покончено. Вздыхнув, Коулмен взял в охапку промокшее одеяло и направился к выходу.

– Не забудь потушить свет, – сказал он, не глядя на Лидию. Она сидела в углу, прижав Ли к груди. Малыш уже кончил сосать, но ей хотелось побыть с ним еще немного, ощутить восхитительное тепло его тела, послушать, как ровно бьется маленькое сердечко.

– Спокойной ночи, мистер Коулмен, – негромко отозвалась девушка. Она чувствовала себя виноватой – ведь Росс вполне мог выгнать ее под дождь, а сам занять фургон. Впрочем, места хватило бы обоим. Вчера Лидия предложила ему остаться, так он чуть голову ей не откусил. Больше предлагать не станет. Интересно, кто кого переупрямит.

Разбуженная раскатами грома, Лидия рывком села на матрасе. Она не понимала, что это – продолжение сна или явь. Только что ей привиделся Клэнси. Он будто бы забрался к Лидии в постель и сдавил горло грязными руками, чтобы она не кричала. Девушку прошиб холодный пот. Ей все еще чудились мерзкие пальцы Клэнси, боль от того, что он душит ее, и отчаянные попытки вырваться.

А Росс лежал и думал, что только последний идиот уступил бы теплый и уютный фургон девице, которая все равно рано или поздно от него сбежит. Он уже вымок до нитки и дрожал как в лихорадке. Косые струи с остервенением поливали и самого Росса, и насквозь мокрую постель. Пусть девица убирается к черту, прихватив с собой миссис Уоткинс и всех прочих! Что до него, то он займет свое законное место. Росс выбрался из-под фургона и взялся за полог как раз в ту минуту, когда Лидия откинула его.

В первый момент оба оцепенели, явно не ожидая этой встречи, и лишь вспышка молнии, которая рассекла небо, как извилистый голубой шрам, вернула их к действительности.

Взяв Коулмена за руку, Лидия поспешно втащила его внутрь. Он потерял равновесие и упал на колени, содрогаясь от холода и сырости.

Не замечая того, что ее сорочка промокла, Лидия начала расстегивать рубашку Росса.

– Вы же простудитесь. Раздевайтесь немедленно! И штаны снимайте.

Росс, окоченевший до костей, даже не делал попыток сопротивляться. Кое-как Лидия стащила с него рубашку, которую можно было хоть выжимать. Она зажгла лампу и, бросив быстрый взгляд через плечо, увидела, что Коулмен раздевается. Не желая смущать его, девушка предложила:

– Когда будете готовы, передайте мне ваши вещи. Я повешу их на веревку.

Пропитавшиеся водой штаны весили не меньше тонны. Не оборачиваясь, Лидия взяла их у Росса вместе с носками и нижним бельем и кое-как развесила.

Обернувшись, она увидела, что Коулмен завернулся в одеяло.

– Вам холодно? Вы весь дрожите. – Пошарив в комод, Лидия достала полотенце. – Вытирайтесь.

Пока Росс яростно растирал голову, она другим полотенцем начала вытирать его грудь. На мгновение он замер, но тут же овладел собой. Между тем руки Лидии переместились ему на плечи, а затем на живот.

Ее поразило его мускулистое загорелое тело. Кое-где виднелись шрамы, а один, под левым плечом, напугал девушку – казалось, оттуда вырван кусок мяса. «Наверное, ему было очень больно», – с сочувствием подумала она, стараясь не потревожить это место.

Его грудь, поросшая густыми волосами, тоже поразила ее. Волосы напоминали темный курчавый мох. Ниже, на животе, они становились более редкими и шелковистыми, треугольником сбегая к пупку.

Росс затаил дыхание, почувствовав, как руки Лидии прикоснулись к округлой впадинке и тут же снова побежали вверх по ребрам. Обернув полотенце вокруг шеи, он схватил ее за руки. Росс хотел всего лишь остановить Лидию и не думал, что ему так легко удастся

оторвать ее от пола. Невесомая, как перышко, Лидия взлетела к нему на бедро и прижалась грудью к мощному мужскому торсу. О боже! Ведь одеяло ничего не скрывает. Она наверняка чувствует, какой он твердый.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. В тишине слышалось лишь прерывистое дыхание обоих и бешеный стук двух сердец.

Будь они прокляты, ее бездонные глаза! У Росса закружилась голова, когда он взглянул в эти янтарные глубины, мерцающие тысячами граней. И почему, черт побери, боги подарили ей такой соблазнительный рот, похожий на спелый сочный плод, в который так и хочется впитаться зубами. А какое нежное у нее тело! Как будто в нем совсем нет костей...

Россу мучительно захотелось поцеловать Лидию, прильнуть к очаровательному пухлому рту своими нетерпеливыми губами. Его снедало желание погрузить свою тугую плоть в невообразимо притягательное тепло женского тела. Ему казалось, что он умрет, если промедлит еще минуту.

Но, уступив вожделению, будет всю жизнь об этом жалеть. Овладев собой, Росс разжал руки. Лидия тут же отпрянула. Ее пугал его взгляд – словно искры вылетали из уголков пронзительных зеленых глаз. Отойдя на безопасное расстояние, она шепотом спросила:

– Ну как, вам лучше?

«Это как посмотреть», – подумал Росс, а вслух небрежно бросил:

– Пожалуй.

– Зубы у вас больше не стучат.

– Я почти согрелся.

Почти, как же! Да он весь пылает. Того и гляди волосы вспыхнут.

– Жаль, что у нас нет ничего горячего.

– Не страшно. Может, утром мне удастся разжечь костер.

Ни Лидия, ни сам Коулмен не верили в это, но надо же было о чем-то говорить. Теперь, когда столь неожиданное и бурное объятие осталось позади, им предстояло привыкнуть к совместному существованию в тесном фургоне.

– Надо бы одеться.

– Да, конечно, – поспешно отозвалась девушка, чувствуя, что сердце готово выскочить у нее из груди. Почему она так разволновалась, Лидия не понимала, но при каждом взгляде на треугольник курчавых волос, терявшийся в складках одеяла, ее охватывала сладостная дрожь. – Конечно, – повторила она и отвернулась, делая вид, что поправляет постель.

– Готово, – донеслось до нее через минуту. Обернувшись, Лидия увидела, что Росс сидит на полу уже одетый и натягивает носки. Приглядевшись, она заметила, что его руки и грудь покрыты гусиной кожей.

– Мистер Коулмен! Сейчас же залезайте под одеяло, иначе схватите воспаление легких.

– Нет, я останусь здесь.

– Не спорьте. Я и местечко уже нагрела. – Вот именно этого Росс боялся больше всего. –

В конце концов, это ваша постель.

По крайней мере она об этом помнит, и то хорошо.

– Нет, ложись сама.

– Ну пожалуйста! Чего вы упрямитесь?

– Я вовсе не упряплюсь.

– Нет, упрямитесь. Ведь если бы я не заняла вашу постель, вам не пришлось бы спать снаружи. Я и так чувствую себя виноватой. Не заставляйте меня страдать еще больше.

Росс нахмурился. Лидия поняла, что он вряд ли уступит, но решила сделать последнюю попытку:

– Если вы заболеете, мы не доберемся до Техаса.

– Не заболею.

– А то, не дай бог, умрете. Что тогда будет с Ли?

– Я не собираюсь умирать!

– Кто знает, что может случиться?

– Ладно, будь по-твоему! – взорвался Росс. Чувствуя себя вконец измученным, он рухнул на матрас и натянул теплое одеяло. – Ну вот. Теперь ты довольна?

– Да. – Лидия улыбнулась.

Она подтерла пол мокрыми полотенцами и выкинула их наружу, туда, где уже висела одежда Росса. Поскольку дождь не прекращался, просохнут они не скоро, но оставлять их в фургоне тоже не имело смысла. Задув лампу, девушка завернулась в одеяло и села, прислонившись к стене.

Проклятие! Росс понимал, как должен поступить, но не мог заставить себя сделать это. Как позволить этой девушке, которая спала бог знает с кем, олицетворяла все то, что он ненавидел и от чего всю жизнь пытался бежать, как позволить ей лечь рядом с ним? Там, где еще недавно в изысканной ночной сорочке, отороченной атласными лентами и кружевом, спала Виктория, воплощение целомудрия и чистоты.

Нет, этого нельзя допускать. Да и вообще девица не интересует его. «Как бы не так», – поддразнил Росса внутренний голос. Ну хорошо, он действительно хочет ее. Да что там – просто умирает от желания. Но это чисто физическое, животное влечение, а он человек, а не самец. Любовь Виктории помогла ему избавиться от той мерзости, которая накопилась в нем с юности. И если Росс не в состоянии управлять собственным телом, то хотя бы может контролировать свои реакции.

– Мисс... гм... Лидия, – пробормотал он.

– Да? – испуганно откликнулась она. Чего хочет этот человек? Обычно ночью «это» и происходит. Лидия помнила, как плакала ее мать, ложась в постель с Отисом Расселом. И ненавистный Клэнси подбирался к ней самой тоже по ночам.

– Ты что, так и собираешься там сидеть? Ложись с той стороны. Места хватит.

– Мне и здесь удобно.

– Не глупи. – Росс привстал. Смутный силуэт Лидии едва виднелся в темноте. – До рассвета еще несколько часов. Если просидишь в этом холоде и сырости до утра, наверняка заболеешь.

– Да нет, я крепкая. Не беспокойтесь.

Коулмен почувствовал, что его истерзанные нервы не выдержат еще одного спора. Он и так потратил их достаточно.

– Иди сюда, тебе говорят! – Росс схватил Лидию за руку и увлек на матрас.

Слезы навернулись ей на глаза. Она-то думала, мистер Коулмен не такой и не станет делать с ней того, что делал Клэнси, но, видно, ошибалась. Все мужчины одинаковы. Лидия отчаянно замахала руками, но вскоре обнаружила, что молотит воздух, – Коулмен, завернувшись в одеяло, уже давно откатился к стене. К ней он даже не прикоснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.